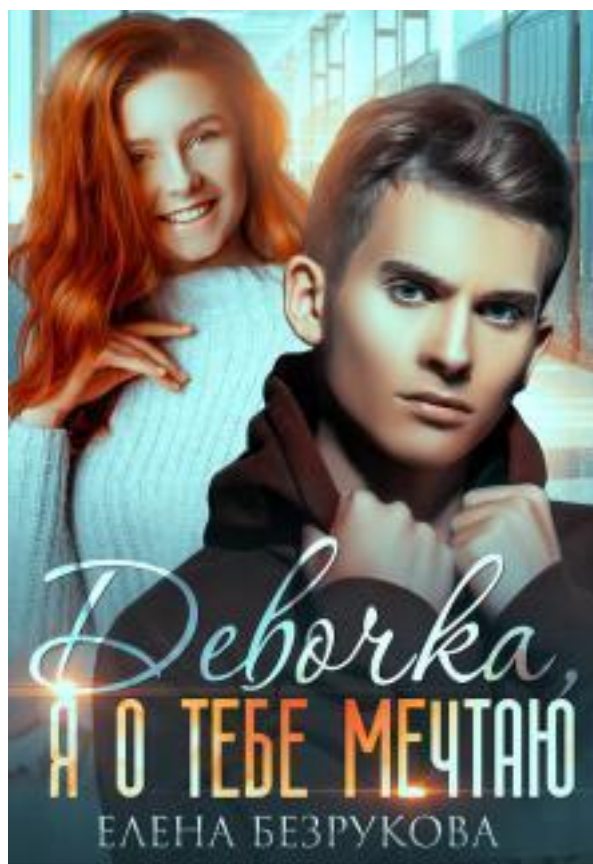

Елена Безрукова

Девочка, я о тебе мечтаю

<https://litres.ru/74271259>

Аннотация

— Тебе придётся играть по моим правилам, если ты хочешь остаться в этом доме. — Что ты хочешь, чтобы я делала? — тихо спросила она, понимая, что в моей полной власти. — Поцелуй меня. — Ч-что? — расширила глаза девчонка и отпрянула от меня, врезавшись в стол бедром. Я последовал за Котёнком и поймал её в капкан, поставив по обе стороны от неё руки на столешницу буфета. — Целуй меня, сказал. Ты глухая, рыжая? Она осталась неподвижной. А я уже просто умирал от предвкушения, желал ощутить сладость и мягкость её губ, которые никто никогда не целовал. Я буду первым. — Умеешь? — Нет... — почти шёпотом ответила она, словно мышка, которую загнали в угол. — Щас научишься.

ПРОДОЛЖЕНИЕ - ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ О ДОЧЕРИ - ИСТОРИЯ АРХИПА - ДЕВОЧКА, Я ТЕБЯ ПРИСВОЮ -

Содержание

ПРОЛОГ.	4
1.	7
2.	25
3.	43
4.	62
5.	77
6.	94
7.	115
8.	147
9.	168
Конец ознакомительного фрагмента.	170

ПРОЛОГ.

— Сломала кофеварку? — поймал я ее за руку в кухне.

Коснулся ее и снова словно пришло током... Не могу ее трогать. Я теряю над собой контроль. Но не смог побороть желание прикоснуться.

— Кажется, да, — закусила она нижнюю губу от волнения и отняла у меня свои пальцы.

— Слушай, ну мне придётся рассказать отцу, что ты корсукая и портишь вещи. Пусть выгонит тебя.

В ее глазах заблестели слёзы.

— Не говори. Пожалуйста, — заломила она свои маленькие ручки. — Мне некуда идти, ты же знаешь.

— А кого это волнует? — усмехнулся я. — Мы тебя, сироту, и так по доброте душевной пригрели, а ты вещи портишь. Нет, я всё-таки скажу ему. Пусть тебя вернут туда, откуда забрали.

Я сделал пару шагов от неё и обернулся. Девочка опустила голову. Рыжие волосы, на которых красиво играли лучи солнца, упали на лицо. Из глаз капали слёзы на ее сцепленные между собой до белых костяшек пальцы.

— Значит, так, — поставил я руки в боки и, наклонив голову набок, наблюдал за ней. — Ты хочешь остаться в этом доме?

— Да... — тихо ответила она.

— Тогда тебе придётся играть по моим правилам. Одно мое слово — и ты вылетишь отсюда пробкой. Ты это понимаешь?

— Понимаю.

Я подошёл к ней ближе и поднял пальцами ее подбородок на себя. В который раз словно провалился куда-то, глядя в глубину ее глаз.

— Тогда будешь делать то, что я скажу тебе. Ясно?

— Что ты хочешь, чтобы я делала? — тихо спросила она, понимая, что в моей полной власти.

Так и было — она в моей власти. Наконец-то.

Нежная, красивая до дрожи и такая слабая. Теперь моя.

Прекрасное чувство...

— Даже и не знаю, что с тебя взять-то кроме анализов...

— наклонил я голову и наблюдал на неё, словно рассуждая.

— На что ты мне, такая бестолковая, сгодилась бы.

Она смотрела на меня с волнением и настороженностью, будто ожидая приговора.

— Поцелуй меня.

— Ч-что? — расширила глаза девчонка и отпрянула от меня, врезавшись в стол бедром.

Я последовал за Котёнком и поймал её в капкан, поставив по обе стороны от девчонки руки на столешницу буфета.

— Целуй меня, сказал. Ты глухая, а, рыжая?

— Но я думала, что ты...

— Мне плевать, что ты думала, — оборвал я ее, ощущая,

как меня начинает потряхивать от близости к ней. Я жадно втягивал в себя запах её волос словно зависимый. — Целуй. В губы.

Она нервно сглотнула и осталась неподвижной. А я уже просто умирал от предвкушения, желая ощутить сладость и мягкость её губ, которые никто никогда не целовал. Я буду первым...

— Умеешь?

— Нет... — почти шёпотом ответила она, словно мышка, которую загнали в угол.

— Щас научишься.

1.

РОМАН.

Громкая музыка разносилась по всему дому. Девчонки, напитки, бассейн — мы провожали последнее лето перед вступительными экзаменами и грядущим, самым важным учебным годом. Скоро мы разлетимся кто куда, а пока мы отрываемся и прожигаем нашу жизнь.

— Скучно как-то, — заявил Архип, перекатывая по барной стойке свой стакан.

— Нормальная туса, — пожал я плечами. — Чё тебе ещё надо?

— Драйва не хватает.

— Иди окуни в бассейн одну из подружек Инги — будет тебе драйв.

— О нет, они же верещать будут потом до ночи.

— Ну тогда предложения закончились.

— Зато есть предложение у меня, — вклинился между нами Самсонов.

— Какое? — поднял я брови вверх.

— Но Роману оно не понравится, — ответил главный балагур нашего, теперь уже одиннадцатого “А”, класса.

— Ты мне хочешь предложить поцеловать нашу рыжую заучку? — моё лицо приобрело выражение крайнего отвращения. — Даже не проси. Я лучше съем перед ЗАГСом свой

паспорт.

— Да нет, — заржал Семён. — Но тоже неплохо. В смысле поцеловать прилюдно заучку — надо запомнить.

— Вот чёрт, подал идею...

— Должно же это случиться хотя бы в наш последний учебный год. А то только ругаетесь всё.

— И не мечтай, — фыркнул я.

— Так ему есть кого целовать, — промурлыкала над моим ухом Инга, обвивая мою шею руками. — Зачем ему кто-то ещё?

— Уверена, что я этого хочу? — сжал я её руку на своей шее.

— А разве нет? — уселась она ко мне на колени и заглянула в глаза.

— Не уверен.

— А так?

Инга потянулась к моим губам. Инга — негласная королева школы и уверена, что любой парень готов на всё, лишь бы только она улыбнулась ему. Но она ошибается, думая, что особенная и для меня.

Для меня особенная та, кого я никогда не поцелую. И это не Инга. Но мне нравится, как она бежит за мной. Это забавно.

— Подожди, — увернулся я от её губ и заставил девушку встать с моих колен. — Тут Сеня предлагает какой-то прикол.

— Короче, сегодня снова проходят уличные гонки, — он поиграл бровями, намекая мне на вкусный куш, который я не раз уже имел возможность урвать для нашей банды.

Прав у меня нет, мне только семнадцать. А вот водить я умею с двенадцати лет, обожаю и понимаю механизм автомобиля. Поэтому участие в гонках было бы само собой разумеющееся, если бы они не проводились нелегально и не являлись бы столь опасными... Тем более накануне первого сентября.

— Я пас, — заявил я. — Отец меня убьёт, если узнает.

— Да ладно тебе, — продолжал подбивать меня Самсонов. — В первый раз, что ли... Там сегодня такой куш.

— Сколько?

— Больше двухсот тысяч!

— Ни хрена себе, — подавился я содержимым своего бокала. — Двести, блинская муха, кусков?!

— Ага. Погнали, Ромыч.

— Ты их всех как детей сделаешь.

— Гульнём потом.

— А папе не скажем!

— Ты же лучший, Питер!

— М-м... Ну чёрт с вами! — вскочил я на ноги.

Гонки я обожаю, но, слава богу, пока ещё ни разу не попадался на них. Участвую не столь часто, но иногда весьма успешно.

— Погнали!

1.2.

Нас встретили на поле для гонок, а точнее, это был заброшенный аэродром, фыркание мощных моторов и смех парней и девушек. Здесь мы были едва ли не самыми молодыми гостями и гонщиками — в основном собирались уже студенты.

— О, Питер подвалил, — тут же протянул мне руку Миха, отвечающий за ставки. — Ты сегодня на трибуне тухнешь или гоняешь?

— Гоняю, — ответил я и крепко пожал его руку в ответ.

— Вау, круто! — оценил Миха. — Чья тачка?

— Архипа, как и всегда.

— Да-да, моя, — навалился на меня мой друг и соратник с первого класса.

Архипу есть восемнадцать, он старше нас на год. Его родители жили за границей и забирали его с собой, и первый учебный год он пропустил, а затем оказался с нами в классе, когда предки Арха приняли решение вернуть свои кости обратно на родные просторы. Ему принадлежала отличная мощная спортивная иномарка, на которой мы уже и успели сорвать несколько кушей на ставках.

— Поедешь с Питером? — спросил Миха уже друга.

— Естественно, шеф.

— Тогда ставка от тебя не принимается.

— Эй, почему? — возмутился Архип. — Раньше ж можно было.

— Правила изменились, — развёл руками Миха. — Ты заинтересованная сторона, и тачка твоя.

— Козлы, — обиделся Арх.

— Сам бородатый, понял? — отбрил его парень. — А вас, дамы и господа, попрошу вложиться в общий банк. Кто готов поставить на победу Питера?

Ребята сделали свои ставки, и мы принялись готовиться к заезду. Поставили машину на исходную точку.

— А поцелуй на удачу? — залезла ко мне в окно Инга.

— Сегодня нет.

— Почему? — надула губы девчонка. — Ты же всегда меня целовал перед заездом.

— Время идёт, всё меняется.

— Чего?

— Ничего, — ответил я и нажал на кнопку стеклоподъемника, отрезая бубнёж блондинки от нас под ржач друга.

— Чего ты с ней сегодня так? — спросил он.

— Да бесит, — нахмурился я, сжимая руль. — Надоела уже.

— Красотка — и надоела?

— Дело не в красоте же, — ответил я. — Да и красота бывает разная.

— Хрена се, — уставился на меня Арх. — Это ты чего сегодня такой нудный-то?

— Подумать захотелось для разнообразия.

— Понял, — кивнул Архип. — А я думал, томик Ницше

начал читать по ночам.

— Пока не так всё плохо.

— А, ну ясно-ясно... Вон, сигналы дают! — кивнул в сторону линии Архип.

Мы тут же сосредоточились и отбросили в сторону шутки. Сейчас надо выложиться на трассе по полной, объехать круг вокруг аэродрома и вернуться на исходную точку первым. Деньги из кубышки меня мало интересуют, а вот драйв от быстрой езды и победы — это очень вкусно для меня...

Поцелуй на удачу бы пригодился... Только не от Инги. Перед глазами на миг появилась она — опять улыбается, лучится вся, словно маленький рыжий котёнок... Улыбается, только не мне.

Сморгнул, прогоняя непрошенный морок. Но всё равно — пожелай мне удачи, Рыжая!

Девушка с флагом на старте дала отмашку, и машины сорвались с места.

Под визг шин мы помчались по прямой, с первых секунд умудрившись вырваться вперёд.

— Машина — зверь, — восхищенно высказался я, вдавливая педаль газа в пол. — Держись, прокачу с ветерком.

Автомобиль летел по трассе с такой скоростью, что захватывало дух. Именно этот животный страх, смешанный с кайфом от быстрой езды, я обожаю, за ним я гонюсь, иногда приезжая сюда, чтобы показать всем, что я молод, но я не проигрываю. Никогда.

— Давай, Ромыч! — подбадривал Архип, понимая, что у нас сегодня есть шанс забрать всю кубышку. — Жми ещё.

Вдруг, уже почти перед финишем, машины стали поворачивать кто куда. Я стал стремительно сбрасывать скорость, пытаюсь понять, что случилось. Слишком поздно до нас дошло, что впереди мигалки полицейских машин...

— Чёрт, — ударил я по рулю, пока ставший бледным Архип смотрел на приближающихся мужчин в форме. — Твою бабушку, а... Так шли хорошо.

— Ну вот и пришли, — ответил он. — Нас кто-то сдал. Полная зад...

— Выходим из машины, — постучал по стеклу дубинкой полицейский.

Кто ехал после нас, успели уехать с нелегальных гонок, с трибун просто разбежались кто куда. Нам с Архипом и ещё паре ребят повезло куда меньше.

— Руки на капот, — приказали нам, и мы выполнили приказ, понимая, что нарываться бессмысленно, — только по почкам дубинкой ещё получим. Лучше дожидаться возможности позвонить отцу. Он всё разрулит, хоть и будет орать, как бешеный крокодил.

Они осмотрели наши карманы, заставили дыхнуть в трубочку.

— Ну хоть не пьяные. Поехали в отделение. Будем выяснять.

— Значит, прав у тебя нет? — спросил меня полицейский, когда нас с Архипом уже запихали в отделение.

— Нет.

— А чья машина? Твоя? — перевёл капитан взгляд на Архипа.

— Да, — ответил он.

— А ты знаешь, что за предоставление транспортного средства лицу без прав попадаешь на штраф? Помимо штрафа за участие в нелегальных уличных заездах. И товарищу твоему тоже штрафы. В школу сообщим — вы ведь выпускники. Что же вы так, сынки? Скоро первое сентября, а вы гоняете...

— Можно позвонить отцу? — спросил я.

Телефоны у нас отняли, и, чтобы связаться с отцом, мне предстояло воспользоваться стационарным телефоном.

— Ну на, — протянул полицейский мне телефон. — Позвони.

Я забрал трубку радиотелефона из его рук и набрал номер мобильного. Приложил к уху телефон и стал слушать длинные гудки. Никто не брал трубку.

— Чёрт... — проворчал я, набирая номер отца ещё раз. — Наверное, занят.

Но и на второй звонок тоже никто не ответил. Мне пришлось отдать трубку Архипу, который дозвонился своему отцу и обрисовал ситуацию, попросил сообщить и моему отцу, что мы находимся в КПЗ.

— Ну, а пока проходим, — открыл дверь камеры с решётками капитан. — Отдыхаем.

Мы вошли внутрь, переглянулись. Несмотря на буйную молодость, в камеру предварительного заключения мы оба угодили впервые. Грязь и бедность так и кричали из каждого серого угла железной коробки. Внутри находились только жёсткая лавка и приспособление для справления нужды. От нечего делать и оглядывая лавку с омерзением, мы всё же сели на неё — не стоять же, в самом деле.

— Добро пожаловать, заключенный Питерский, — пихнул меня в бок Архип и нервно засмеялся.

— Да тьфу на тебя, — отмахнулся я. — Не дай бог тут просидеть всю ночь. Бр-р!

— Отец скоро приедет, — ответил Арх. — И твоему сообщил, наверное.

— Хорошо бы, — хмыкнул я. — А то ещё привезут каких-нибудь бомжей... Это мы пока тут вдвоём.

И я почти угадал — скучать вдвоём нам долго не пришлось. Вскоре клетка наполнилась тремя девчонками в коротких юбках и ярких нарядах.

— Ну, капитан, — канючила одна из них, просунув лицо сквозь прутья решётки. Возраст её определить было сложно — где-то между пятнадцатью и тридцатью. — Ты почему девочек обижаешь, а?

Её подружки мерзко загоготали, поддерживая свою соратницу.

— Уймись, Лоткова, — ответил капитан. — Девочкой ты была в двенадцать, а сейчас на тебе клейма негде ставить.

— Фу, как грубо... — сморщилась девушка, а её товарки опять захихикали.

— Как есть, Лоткова. Ты когда бросишь своё ремесло? Тогда и мы тебя закрывать перестанем.

— Как бросить-то? — спросила она совсем по-взрослому. — А жрать на что?

— Лоткова, — покачал головой полицейский. — Ну устроилась бы в магазин, на кассу. Трудилась бы честно, как другие девушки. Ничего же, живут как-то.

— Да дуры они, — надменно заявила девица. — Бесплатно делают то, что за деньги делаю я, а потом бутерброд с икоркой кушаю.

— Ну вот и сиди тогда, — отвернулся от неё капитан. — До выяснения обстоятельств.

Лоткова вздохнула и одарила своим вниманием нас. Окинула нас с Архипом оценивающим взглядом. Отметила стоимость шмоток на нас и возраст.

— Привет, мальчики, — улыбнулась она нам, и мы не сговариваясь переглянулись с Архипом. — Девочки, сегодня есть с кем поболтать. Какие красивые мальчики... Конфетки.

Они уселись по обе стороны от нас, едва ли не прижимаясь к нам и источая тошнотворный запах слишком сладких дешевых духов.

— Давайте знакомиться.

— А ну отвалили, — отпихнул я Лоткову, которая села рядом со мной.

— А что так невежливо? — изогнула бровь она. — Я просто познакомиться хочу.

Она прильнула к моему плечу. Я одним движением схватил её за белобрысый хвост и стряхнул с себя и с лавки.

— Ай! Ай! — заверещала девка, цепляясь за свои волосы. — Придурок, больно! Отпусти!!

Я, сведя брови вместе, глянул в её лицо.

— Отвали от меня, дрянь. Ещё раз сядешь рядом — я за себя не отвечаю и, что ты «девочка», не посмотрю.

— Капитан! Капитан! Убивают! — орала она.

Я выпустил её хвост и сел в свободный угол клетки, не желая возвращаться на лавку к бешеным тёткам.

— Что там у вас происходит, чёрт возьми? — спешил уже к нам полицейский.

— Он... Он меня за хвост таскал по камере и угрожал избить! — указала Лоткова пальцем в мою сторону.

— Не бреши! — отозвался я. — Я не так сказал.

— Угомонись, Питерский! — одёрнул меня капитан. — А то оставляю тут на неделю и уже с бомжами.

Девушки отсели от нас подальше, опасаясь, что и Архип может быть таким же агрессивным, как я. Ненавижу, когда меня касаются посторонние люди, да ещё и без моего на то желания! Руки бы оторвал...

В камере наступила тишина. Девушки переговаривались между собой, но нас уже не трогали. Когда в отделение вошёл отец Архипа, мы оба подскочили на ноги.

— Пап! — позвал его Арх через решётку.

Тот лишь кинул на нас короткий взгляд и направился к капитану, чтобы побеседовать по поводу нас.

Мужчины о чём-то говорили, отец Архипа кивал головой, потом протянул ему свою визитку, после чего полицейский вместе с ним направился в нашу сторону. Капитан достал ключи и открыл замок клетки.

— Ветров, на выход.

Архип вышел и, опустив голову, подошёл к раздувающему от гнева ноздри отцу. Кажется, Олегу Петровичу придётся отдать довольно круглую сумму, чтобы дела, которые мы натворили, замяли — он политик, ему не нужны пятна на репутации.

Я пошёл было следом за Архипом, но капитан остановил меня и прямо перед моим носом закрыл дверь обратно.

— Про тебя, Питерский, речи не шло. Ты остаёшься.

— Олег Петрович, — позвал я отца Архипа. — Извините, вы сказали папе про меня?

— Сказал, — кивнул тот.

— И где он? — спросил я в недоумении.

Отец что — не полетел меня вызволять из КПЗ?

— А он сказал, Рома, чтобы ты посидел здесь и подумал

над своим поведением. Так что... Извини, помочь ничем не могу. А ты, — подтолкнул к выходу сына Олег. — На выход. Дома будет серьёзный разговор, кусок лоботряса... Вырастил на свою голову.

Они ушли, а я сел обратно в угол камеры. Шумно выдохнул. Значит, папочка решил меня поучить уму-разуму... Прекрасно, просто прекрасно.

Отличный последний день лета, чёрт побери!

1.4.

КАТЯ.

Завтра наступит первое сентября. У многих школьников, таких как я, скоро начнётся новый учебный год. Учебный год в элитной гимназии в классе, в котором меня так и не приняли.

Вздыхнула, глядя, как детвора за окном гоняет мяч на площадке. Счастливые... А у меня детство закончилось: интенсивная учёба, подготовка к экзаменам, сами экзамены, получение аттестата и поступление в вуз мечты.

— Катюш, мы пельмени-то лепить будем? — тронула меня за плечо бабушка, возвращая из раздумий в нашу тесную кухню.

— Да, бабуль... — ответила я. — Уже иду в магазин. Мясо только нужно?

— Я написала тебе список, в коридоре положила вместе с деньгами. Много не бери — больно дорогая свинина стала, а мы и так все наши пенсии потратили на тетрадки и учебники.

— Прости, бабуль, — прижалась котёнком я к ней. Мягкая, добрая, родная — вся моя семья. — Зря я, наверное, в эту гимназию так рвалась. У них и учебники дорожные, и форма ещё...

Бабушка получает пенсию по возрасту, а я — по потере кормильца. Родители погибли, когда мне было десять. И сборы в гимназию для всех её учеников — пыль под ногами и мизер, в то время как мы с бабушкой копили всё лето. Я подрабатывала, а она вязала на заказ, когда глаза не так сильно болели — так и зарабатывали мне на форму для гимназистки.

— И ничего не зря, — погладила меня по голове бабушка. — Ты заслужила это место. Как и шанс на лучшее будущее, чем могла бы дать тебе твоя старушка. Я горжусь тобой, Катенька.

— Спасибо, бабуль. И никакая ты не старушка у меня! Ты ещё знаешь какая!

— Ну, какая? — добродушно рассмеялась она.

— Ого-го!

— Ой, да ну тебя, Кать! — отмахнулась бабушка, при этом даже не скрывая искренней и тёплой улыбки. — Иди уже в магазин. И не забудь ничего из списка. Надеюсь, там хватит...

В небольшом супермаркете у дома я собрала в корзину всё, что написала бабушка. Только насчёт молока сомневалась — влезает ли оно в бюджет? Прикинув в голове, что

вроде бы на него хватает, я положила самый недорогой вариант молока в упаковке-пакете в корзину и пошла на кассу.

— О, Романова, — услышала я за спиной и обернулась.
— Приветик!

На кассу за мной встал одноклассник Дима. Корзины в его руках не было, он держал лишь бутылку с газировкой.

— Привет, Дим, — улыбнулась я ему, выкладывая продукты на ленту. — Ты здесь какими судьбами? Ты же живешь не в нашем квартале.

— Я к другу в гости иду. Он как раз тут и живет.

— А, понятно.

— С вас восемьсот тридцать четыре рубля, — обратилась ко мне кассир, закончив укладывать продукты в мой пакет.

— Чёрт, — буркнула я себе под нос, понимая, что мне не хватает денег — бабушка дала мне только восемьсот рублей...

— Э-м-м... А можно молоко убрать? — смущённо улыбнулась я. — Мне не хватает.

— Убираем молоко? — уточнила кассир.

— Подождите, — вклинился в диалог Дима. — Сколько не хватает там?

— Тридцать четыре рубля, — ответила кассир.

— Да не нужно, — посмотрела я на Диму. — Я отменю молоко, и все, это не самое важное из списка.

— Оставьте молоко, — сказал парень и положил сверху моих денег купюру в сто рублей.

Кассир забрала все деньги и выдала сдачу, на которую Дима уже оплатил свой напиток.

— Спасибо большое, — поблагодарила я его, ощущая, как на щеки опустился жар стыда. — Я тебе в школу деньги принесу...

— Да не надо мне ничего, — отмахнулся Дима от меня и взял мой пакет. — Давай я лучше помогу тебе донести продукты.

— Да я сама донесу, спасибо. Тебя же друг ждёт!

— Ничего. Подождёт, — уверенно ответил Дима и двинулся к выходу из магазина вместе с моим пакетом.

— Как лето провела? — спросил меня парень, когда мы пошли по тротуару в сторону моего дома.

— Вожатой в лагерь ездила, — ответила я. — На море.

— Ого, крутяк! — восхитился он. — И чё, на море была, кормили, дискачи всякие, ещё и денег дали?

— Конечно дали, — ответила я. — Это же работа.

— Классно!

— А кроме моря и дискачей ещё: ранние подъемы каждый день, ответственность за детей, хоть я и была при воспитателях обязательно, занятия с ними до ночи практически.

— А вот это уже менее классно... — протянул Дима.

— А ты как хотел? Думал, там курорт?

— Как тебя вообще взяли-то? Тебе же семнадцать.

— Ну и что, вожатой можно, — сказала я. — Тем более там ещё бабушка подсуежилась — она же в прошлом воспи-

татель у меня.

— Понятно. Всё лето работала так?

— Да. Три смены по три недели.

— Ну и сколько заработала?

— Неплохо, — улыбнулась я.

На самом деле платили там не так уж и много, а у меня так и вообще была ставка неполная. Едва хватило этих денег на покупку обычной формы и формы для физкультуры. Но говорить об этом Диме, я не стала. Хотя он как раз едва ли не единственный относится ко мне по-человечески в нашем классе. Пережить бы ещё один год и забыть об этой гимназии как страшный сон...

— Ну вот и пришли, — повернулась я к нему, когда мы остановились возле моего подъезда. — Спасибо тебе большое за помощь, Дим. А деньги я принесу обязательно.

— Я же сказал — мне ничего не надо, Кать, — ответил парень. — Можешь поблагодарить иначе, — лукаво улыбнулся Дима. — И будем в расчёте.

— Как? — захлопала я ресницами.

— А сходи со мной в кино.

— В кино? — переспросила я.

— Ну да, — сказал он и заправил мне за ухо прядь медных волос. — Ты за лето изменилась. Стала такая красивая...

Я смутилась и опустила глаза. Парни раньше мало обращали на меня внимание — рыжая, с веснушками, с копной ярко-медных волос. Одежды модной у меня нет, да и кра-

сивой фигурой я не отличалась. Раньше... Но за это лето моё тело действительно изменилось — бёдра стали более округлыми, талия — тоньше. Даже бабушка отметила, что я теперь выглядела более женственной и взрослой... Однако представить, что меня пригласил в кино именно одноклассник, было невозможно.

— Я пока не знаю, — ответила я. — Нужно к школе готовиться. Ведь скоро учебный год.

— Чего к ней готовиться? — изогнул бровь Дима. — Ты портфель купила?

— Да, — кивнула я, не понимая пока, куда он клонит.

— Форму купила?

— ...Да.

— Тетрадь с ручкой купила?

— Ну, купила. И чего?

— Всё, Романова, — развёл руками парень. — Ты в полной боевой готовности! Поэтому — погнали завтра в кино.

— Ну-у...

— Зайду завтра за тобой. В пять вечера.

— Ладно, — пожала я плечами. Почему бы в самом деле не развеяться перед тяжёлым учебным годом и не провести приятно последние летние дни?

— Тогда до завтра, — подмигнул он мне и протянул пакет. — Это твоё.

2.

Дома разложила по полкам продукты.

Меня никогда ещё не звал на свидание никто из этих золотых детей. Они предпочитают не обращать на меня внимания. Впрочем, это лучше, чем подвергаться издёвкам из-за яркого рыжего цвета волос и отличных отметок по всем предметам за четверти.

Прошедший год, проведённый в компании мажоров и дочек богатых родителей, был для меня тяжёлым — мне пришлось многое стерпеть, потому что цель оправдывала средства — я хотела учиться последние два года в этой элитной гимназии, грант в которую я и выиграла на олимпиаде по нашему региону и получила льготное место среди отпрысков состоятельных бизнесменов, госслужащих и чиновников. Я приложила много усилий, чтобы выиграть эту квоту. Только радость длилась недолго — едва я переступила порог новой школы в форме, на которую мы снова с бабушкой работали всё лето, как меня встретило напряжённое молчание и оценивающие взгляды новых одноклассников... Все они, конечно, были в курсе, что я из небогатой семьи, сирота и ученица бюджетного места, за которое их родители выкладывают каждый год суммы с пятью нулями. Стоит ли говорить, что я так и не стала там своей? Прошёл год, а я все ещё серая тень, «отсядь от меня» и «рыжая, дай списать!»...

Снова вздохнула и на миг прикрыла глаза, чтобы успокоиться и выровнять дыхание.

Спокойно, Катерина!

Мы с бабушкой и не такое переживали.

Вытерплю. Зато я получаю крутое образование и поддержку учителей, что директор даже обещала договориться с университетом, в котором я хотела бы получить высшее образование на факультете иностранных языков.

— Катёнок, ну ты чего стоишь? — мягко тронула меня за плечо бабушка, и я словно вынырнула из своих мыслей. — Пельмени кто просил?

Катёнок — это прозвище мне дали ещё родители: ласковое производное от имени Екатерина.

— А... Я что-то задумалась, — поторопилась я начать подготовку к приготовлению теста.

И тесто, и фарш для пельменей мы с бабулей делаем только сами — вкус такого домашнего блюда несравним со вкусом магазинных полуфабрикатов.

Пока ждала тесто и крутила фарш из мяса на электрической мясорубке — мой подарок, на который я копила почти полгода, бабушке на её юбилей, — всё думала о предложении Димы сходить в кино. Это, получается, свидание? Но я словно совсем этому не рада. Дима — приятный парень, симпатичный и один из немногих одноклассников, кто видел во мне человека, но на свидания с ним мне ходить не хочется. Пожалуй, напишу ему завтра, извинюсь и скажу, что

не смогу составить ему компанию. Причины я сама не понимала, но мои тараканы в голове явно проголосовали против Димки.

Возможно, дело в том, что он мне приятен, но не более того, а давать ложные надежды я не хотела.

А может, причина в том, что место в моем сердце уже занято...

Занято тем, кого любить нельзя ни в коем случае, потому что объект моей глупой детской симпатии относится ко мне едва ли не хуже всех в этом классе. Любить такого — это остаться с сердцем в бинтах, это получить в душу ножевую рану...

Я всё понимала. Но взяла и влюбилась. Глупому сердцу никто приказывать так и не научился, оно, шальное, всё стучало и стучало о нём, грохотало в ушах и больно било по рёбрам каждый раз, едва он оказывался рядом или я случайно пересекалась со льдом его голубых глаз... Умных глаз в сравнении с большей частью нашего класса, которая ходила на занятия просиживать форменные штаны и юбки. Точнее, ездила — они приезжали в гимназию на шикарных иномарках.

И только я одна ездила на учёбу на автобусе, что являлось ещё одним поводом для насмешек.

— Ну что, помощь требуется? — услышала я позади себя голос бабушки. Она села на табуретку возле стола. — Старушечий патруль прибыл к месту назначения!

— Да нет, бабуль, — улыбнулась я ей, сворачивая очередной аккуратный пельмешек. — Старушечий патруль пусть выезжает обратно и смотрит сериалы про сводных сестёр. А я тебя, как готово будет, позову ужинать.

— Ну, смотри сама, — прокрихтела она. — Умница ты у меня. И руки у тебя золотые. Достанется кому-то такая жена — повезёт ему!

Я мягко рассмеялась в ответ. Вот уж о чём я не думаю вообще — об отношениях и замужестве. Мне сейчас просто некогда, да и не нужно это всё — глупости эти все любовные. Я только и мечтаю, что закончить школу, получить аттестат с золотой медалью, стать студенткой и забыть уже эти холодные голубые глаза, которые так и преследуют меня во сне.

— Так а кто меня учил? У меня есть шикарный учитель в области кулинарии.

— Девочка моя, — приобняла меня бабушка и поцеловала в щёку.

— Ну, бабуль... Я ж в муке вся.

— И ничего, чай, она не заразная же. Ладно, кухарь... Я пошла. Щас как раз, пока дойду до зала, ты уже все и сваришь. Раз, два — взяли!

Бабушка с усилием поднялась с табуретки и отправилась в зал. Вскоре в комнате послышались голоса привычного телевизионного сериала.

— Алло, — прижала я трубку телефона к уху плечом.

— Привет, — услышала я на том конце провода голос подруги Дашки Суворовой, моей бывшей одноклассницы. — Как дела?

— Нормально, — отозвалась я. — У тебя что-то срочное? Я в муке вся просто.

— А, печёте что-то?

— Лепим. Пельмени.

— Пельмени — это я люблю! Щас буду.

— Кто бы сомневался, — усмехнулась я.

Даша просто обожает нашу с бабулей стряпню. Скажи ей про пельмени или пирожки — она тут как тут.

— К чаю что-нибудь купить? Может, рулет? Со сгущенкой.

— Давай. До встречи тогда.

— Пока.

Суворова прискакала еще до того, как я закончила бы лепить последнюю партию, чтобы затем отправить их в морозилку про запас. А еще партия уже кипела в кастрюльке на плите.

— Здравсьте, Полина Ефимовна! — поздоровалась она с бабушкой.

— Привет, Дашенька! Молодец, что забежала.

— Как ваше ничего?

— Скриплю помаленьку!

— Вот и прекрасно. А я вам рулет принесла, со сгущен-

кой.

— Очень хорошо. Попьем все чайку опосля.

— Ну, я к Кате пошла.

— Только не забудь сначала вымыть руки!

— Обязательно, Полин Ефимовна! Уже бегу.

Спустя пару минут она наконец дошла и до меня.

— Привет! — светло-русая голова выглянула из-за двери кухни, а затем показалась и вся Дашка.

— Как ты быстро пришла, — усмехнулась я. — Бежала, что ли? Так сильно хотелось пельменей?

Дашка рассмеялась колокольчиком.

— Да я просто тут рядом кружилась, — ответила она. — Зашла в супермаркет возле вашего дома.

— Не ври мне. Я знаю, что ты сильно любишь наши пельмени!

— Да люблю-люблю, — усмехнулась она, занимая табуретку возле стола. — Я и не спорю!

— А чего это ты тут ходила? — спросила я подругу.

— Да в магазин заезжала один. Духи там классные продают, масляные. И стоят недорого.

— Покажи.

Даша вынула из сумки несколько маленьких флакончиков миллилитров по десять.

— Боже, какие малыши! И это духи? — удивилась я.

— Ага, — кивнула она. — Это же аромамасло. Оно сильно концентрированное. Понюхай.

Она отвинтила крышку одного из флакончиков и поднесла его к моему носу. Я ощутила приятный и тонкий аромат ванили.

— М-м... — протянула я, вдохнув в себя нотки нежной изысканной ванили. — Действительно, хорошее масло. И сколько стоит?

— Да триста рублей, — ответила Суворова. — Мазать надо на запястье. Вот так.

Она ухватила мою руку и намазала немного масла мне на кожу.

— Теперь потряси рукой, — сказала она.

— Зачем? — уставилась я на нее.

— Да потряси, — схватила она сама мое запястье и заставила меня помотать рукой.

— А теперь еще раз нюхай.

Я поднесла руку к носу и снова втянула аромат. На коже он ощущался гораздо приятнее и будто расцветал с новой силой.

— Да-а-а... Классно пахнет, — оценила я.

— Нравится?

— Очень!

— Тогда — дарю, — Даша закрыла масло крышкой и поставила его рядом со мной.

Я покосилась на флакончик.

— Спасибо, но не нужно.

— Почему? — надулась тут же Суворова. — Сама сказала,

что понравились.

— Понравились, — подтвердила я, продолжив заниматься пельменями.

— Что тогда? — взгляделась в меня подруга.

— Я тебе не смогу отдать деньги за них, — честно ответила я ей.

— Да господи, — отмахнулась Суворова от меня. — Я тебе разве что-то говорила про деньги? Так бери.

— Так неудобно.

— Да брось! — сказала Даша. — Бери. Будешь завтра на линейке пахнуть лучше, чем эти богатые курицы!

Это вряд ли. «Богатые курицы» сплошь пахнут исключительно дорожными брендами.

— Ладно, — ответила я. — Считай, что за это я дам тебе большую тарелку пельменей.

— А вот это дело, — подняла палец вверх Дашка. — Я совсем не против!

2.2

— Катя! М-м... Божественно! — мычала сквозь пельмени Суворова.

— Когда я ем — я глух и нем, — пожурела её я, впрочем, довольно улыбаясь.

— Ну, серьёзно, — утёрла она губы салфеткой. — Невозможно остановиться. Нежные такие.

— Ну, спасибо, — отмахнулась я. — Уважила.

— Слушай, — уставилась на меня подруга немигающим

взглядом.

— Что? — заволновалась я и на всякий случай осмотрелась вокруг.

— Романова!

— Я!

— Женись на мне, а?

Через секунду мы обе прыснули со смеху.

— Ой, Дашка... — смеялась я. — Ну, ты как скажешь — хоть стой, хоть падай.

— А что? — вытянула она ноги под столом. — Готовишь классно. Не пререкаешься, чисто всегда у вас. Я б за такую жену такой калым бы отвалила! Ой-ёй.

— Да хватит уже, — не могла перестать я смеяться. — Скажешь тоже...

— А я же растяпа, — опёрлась Даша спиной о стену. — Ничего не умею! Вон, только магазинные пельмени и могу сварить — и то не факт, что не развалятся...

— Хочешь, я научу тебя? — спросила я. — Это несложно.

— А давай, — кивнула Суворова.

— Договорились, — улыбнулась я. — А то бабуле тяжело уже. Мне одной скучно.

— Понятно, — перестала шутить Даша. — Сдаёт здоровье?

— Ну а как иначе? — я и сама мигом загрустила. Легко ли видеть, как увядает твой единственный близкий человек, не считая Даши. — Возраст берёт своё.

— Главное, чтобы снова не понадобилось серьёзное лечение...

— Не напоминай, — вздрогнула я. — Я не переживу такого ещё раз. Надо к экзаменам готовиться, я не могу мыть полы до ночи!

— Дай бог, чтобы всё обошлось, — вздохнула Даша.

— Дай-то бог, — повторила я за ней, словно мантру, в которую сама горячо верила.

— Форму-то купили? — сменила тему Даша, и я осталась ей за это благодарна.

— А... Да, — ответила я. — Так жаль, что прошлогодняя мне уже не подошла — так неудачно я и подросла, и в бёдрах раздалась... Блузки на груди не застегнулись. Пришлось полностью всё менять: летняя форма — два комплекта, зимняя форма — два комплекта, и спортивная тоже...

— Ну да, — протянула Даша, окидывая меня придирчивым взглядом. — Ты изменилась. Неудивительно, что старая форма не налезла.

— Угу, — горько кивнула я. — Пришлось раскошелиться на другую.

— И две косы заплетёшь?

— Да.

— И банты?

— Да! Белые.

— Ой, Катюха! — покачала она головой, снова окидывая меня цепким взглядом.

— Чего?

— Сведёшь с ума ваших вредных золотых парней.

— Ой, Даш! — рассмеялась я. — Ты о чём говоришь-то вообще? Они на меня никогда внимания не обращали даже.

— Но ты изменилась, Катя.

— И что?

— И то, — изогнула она одну бровь. — Поверь мне на слово — скоро из этих избалованных мажоров за тобой очередь выстроится, а ты ещё будешь выбирать среди них, с кем в кино пойти!

Вспомнила сразу о Диме. Ведь сегодня он как раз пригласил меня в кино и сделал мне кучу комплиментов... Но это видение сменилось другим — голубые глаза смотрят надменно, а я слышу очередные гадости в свой адрес.

— Да не будет такого, — отмахнулась я.

Даша задумчиво побарабанила пальцами по столу. Потом перевела внимательный взгляд на меня.

— Не хочешь туда идти? — спросила она.

— Не хочу, — поджала я губы. — Но придётся.

— Ну, потерпишь ещё годик, — пыталась приободрить меня подруга. — Ты же так хотела в эту гимназию попасть и выдержала там год, не потеряв льготы.

При нарушении условий меня бы просто перевели на платный контракт. Я старалась изо всех сил и получала только хорошие отметки. Особенно тяжело было, когда бабушка заболела и мучилась с давлением. Нужны были дорогие ле-

карства, питание, и я выбивалась из сил — днём грызла гранит науки, после обеда мыла полы в супермаркете, а ближе к ночи садилась за учебники...

— Потерплю, — ответила я уверенно. — Обязательно. Зря, что ли, это всё...

— Вот именно, — поддержала меня Суворова. — Главное, чтобы этот к тебе не вязался... Как его... Питерский. Придурок тот.

При звуке его имени я опустила ресницы. Она считает, что я не люблю говорить о нём, потому что он — тот, кто треплет мне нервы и не даёт спокойно вдохнуть больше других. Но была и ещё одна — даже своей близкой подруге я не рассказывала, какие чувства одолевают меня, когда я думаю о нём...

— Надеюсь, что за лето он поумнел, — ответила я, собравшись, подняла глаза на подругу и даже смогла улыбнуться.

— Этот debil? — сморщилась Даша. — Сильно сомневаюсь. Горбатого ничего уже не исправит.

— А вдруг? — усмехнулась я. — Случилось чудо.

— И в сказки, диво дивное да чудо чудное я тоже больше не верю, — припечатала меня Суворова.

— Посмотрим, — вздохнула я, в глубине души на самом деле согласившись с ней. — Буду стараться поменьше попадаться ему на глаза.

— Это сложно будет, — хмыкнула она. — Учитывая, как он любит тебя.

Я взмахнула ресницами и ошалело уставилась на подругу.

Даже не сразу дошло, что Дашка сказала последнюю фразу в переносном смысле, настолько она меня царапнула по больному...

— Что ты сказала?

— Ну, в смысле любит тебя. Мутузить, — добавила Даша.

— Словесно то есть.

— А... В этом плане.

— Ну а в каком ещё? — с подозрением взгляделась в меня она.

— Никаком, конечно, — решила я закруглить неприятную и острую для меня тему. — Я просто нервничаю перед завтрашним днём и туплю немного.

— Да я сама нервничаю, — ответила Дарья. — Веришь, нет? Каждый раз как в первый раз.

— Верю, — улыбнулась я.

— Тогда давай по чайку — да пойду я.

— Давай.

Я поднялась из-за стола, чтобы поставить на газ старый чайник со свистком.

2.3

РОМАН.

Отец приехал в отделение уже ночью. Я начал засыпать сидя, на полу камеры. Бешеные тётки ко мне больше не лезли, но продолжали бесить своим присутствием и тем, что без конца трепались даже ночью про всякую чушь.

В тишине отчетливо слышалось, как заскрипели петли

старой тяжёлой двери, и возле поста оказался мой отец. Я сразу подобрался. И рад ему, и не рад одновременно — сейчас устроит мне жуткую головомойку... Впрочем, как обычно.

Папа переговорил о чём-то с полицейским, тоже дал ему свою визитку, а затем они оба пошли к камере. Капитан открыл дверь клетки.

— Питерский, на выход.

Я не стал заставлять его повторять и с облегчением вышел из камеры в тускло освещенное отделение.

— Заберите вещи, — указал он на коробку, в которой лежали мой телефон, ключи, жвачка, несколько купюр и мелочь. — Можете быть свободны. И больше не нарушайте!

Хмурый отец попрощался с капитаном и пошёл к выходу.

— Я думал, ты меня тут оставишь на ночь, — сказал я ему.

— Я был в Бангкоке. Забыл? Извини, заставить самолёт прилететь раньше только ради тебя я не мог.

— А... Точно. Забыл.

— А ты, кроме как о своих делах, ни о ком не помнишь, Ром.

Я лишь хмыкнул, но не стал развивать эту тему. Папа сейчас и так злой, того и гляди укусит за бочок.

— Знаешь, я оставил бы, — зыркнул на меня отец, доставая ключи от машины. — Только завтра начало учебного года. А так — тебе бы не помешало посидеть там и подумать

о своём поведении, засранец.

— Па-а...

— Что “па”?!

— Ну ты не был молодым, что ли?

— Был, конечно. Но я в твоём возрасте не знал, что такое гулянки и деньги. Я пахал ночью, чтобы прокормить большую мать. В отличие от тебя, балбес. Вам всё лучшее хочешь дать, в итоге получается вот это... В машину садись.

Слушать его было неприятно, хотя он прав. Наверное. Он круче меня, конечно. Всегда и во всём. И лишь я один в этом мире ошибка природы. Я не тот, кем он бы гордился. А Архипа отец любит несмотря ни на что, а мой словно только и думает, что о своей безупречной репутации. Я понимаю, что служебное положение обязывает, но есть же вещи и важнее...

— Ты хочешь, чтобы я тоже пахал? — спросил я, когда мы уже выехали на ночную дорогу.

— Не передёргивай, — кинул он новый хмурый взгляд на меня. — Я тебе этого никогда не предлагал. Тебе надо учиться, у тебя есть такая возможность, да еще и учиться будешь в одном из лучших университетов. А ты, вместо того чтобы это ценить и стремиться к учёбе, творишь чёрт знает что!

Я поджал губы и промолчал. Безусловно, отец старается. Но старается для кого? Для себя. Потому что его сын не может учиться где попало — только в лучшем учебном заве-

дении. И только на юриста, естественно. Профессия должна быть уважаемая и презентабельная, а мои пожелания никогда не учитывались. Игра на гитаре, подаренной ещё мамой, так и осталась лишь хобби. У нас в гараже есть небольшая база для любительской группы, отец сам позволил мне организовать там место для репетиций, даже не орет, когда мы участвуем в конкурсах и снимаем видосы, чтобы затем выгрузить их в Сеть. Ему приятно, что некоторые успехи у меня имелись, но папа сразу предупреждал о том, что это так и останется лишь хобби. Как и плавание, в бассейн я уже давно хожу только для поддержания формы.

— Иди, ужинай, и спать, — сказал отец, когда мы вошли в дом.

К нам вышла Наташа — невеста отца, которая уже несколько месяцев живёт с нами и бесит меня тем, что пытается со мной подружиться. А лучше бы просто не трогала — я бы к ней тогда гораздо теплее относился! И чего ей сейчас не спится в двенадцать ночи? Волнуется типа? Да мне её волнение как-то... Фиолетово. Закатил глаза, не удержался.

— Всё нормально? — спросила она.

— Да, — устало ответил отец. — Всё в порядке.

— Ром, тебя не обижали? — окинула она меня внимательным взглядом, словно ей действительно было до этого дело.

Спросила, будто я не в КПЗ полночи просидел, а с мальчиками в песочнице играл... Дура.

— Нет, — хмыкнул я.

— Слава богу, — сложила она свои маленькие ручки вместе. — А то я так переживала, когда папа сказал...

Ути-пути... Она переживала. Чуть не стошнило на дорожкой персидский ковёр гостиной.

— Не стоит, — изогнул я одну бровь. — Я в порядке.

— Ладно.

— Поесть есть что-нибудь? — спросил отец, развязывая галстук. — Все разговоры давайте на завтра перенесём.

Его пиджак уже лежал на спинке дивана.

— Да, конечно, — кивнула Наташа. — Вы идите руки мыть, а я пока всё подогрею.

У нас есть прислуга, но Наташа так хочет угодить отцу, что готовит сама. А мне её стряпня как-то... Не заходит.

— На меня не грей, — сказал я ей, встретив её мигом ставший грустным взгляд. — Я спать хочу.

Жрать хочу как конь, но её еду есть не стану. Пока приму душ и спущусь позже, сделаю сам себе бутербродов. А они могут греть друг другу ужин сколько им нравится... Только без меня. Вечно себя третьим лишним ощущаю рядом с этими голубками! Но отец довольно доходчиво объяснил, что при Наташе надо держать рот на замке, да и не планировал я их разводить. С мамой они уже давно развелись, и я прекрасно понимал, что одному ему одиноко, и даже рад, что он встретил кого-то, кто скрасит его серую жизнь. Мне, в принципе, пофигу было, когда она приехала сюда с чемоданами. Раздражает только, когда она пытается со мной играть то в

мамочку, то в подружку...

После душа до кухни так и не дополз — отрубился прямо на застеленной кровати в одних боксёрах.

3.

— Подъём! — Кто-то шлёпнул меня по заднице.

Надеюсь, это не Наташа... Хотя голос явно мужской. Спросонья ничего не пойму...

Оторвал голову от подушки, кое-как разлепил глаза и сфокусировал взгляд на тёмном пятне напротив меня. Пятно медленно, но верно превратилось в моего отца.

— Ну па-а... — прокаркал я хриплым со сна голосом.

— Вставай, — сказал он. — Завтракать вместе будем.

Значит, станет сейчас песочить. Фетиш у него такой — под чашку кофе распекать меня, жующего омлет.

— А сколько времени?

— Половина седьмого.

— О боги... — простонал я.

Как я отвык после длительных каникул вставать в такую рань! Пытка...

— Давай умывайся и спускайся. Через час выезжаем уже.

— Ты отвезёшь меня на линейку сам?

— Конечно, — кивнул отец. — Ты же выпускник. Хочу посмотреть линейку.

— Воу. Ты же вечно занят.

— А сегодня свободен. Половину дня. После линейки домой, Наташа обещала праздничный обед.

На этих словах меня перекосило, и папа, конечно, заметил

это.

— Лицо попроще, сын, и не показывай такое выражение Наташе.

— Наташа, Наташа... — передразнил я его. — Господи, какие все идиоты, когда влюбляются. Ты хоть о чём-то кроме неё думать и говорить можешь?

— Хм, — усмехнулся отец. — А ты уже достаточно взрослый, чтобы к этим идиотам присоединиться.

— В смысле? — не понял я, взлохмачивая волосы пальцами и зевая.

— Тоже влюбишься, — пояснил отец. — Вот тогда и посмотрим, как запоёшь ты.

— О нет, — встал я на ноги. — Этот придурочный мир не для меня. Я в душ.

Как я и предполагал отец, едва мы успели нормально поесть, уже за чашкой с кофе принялся сверлить меня взглядом. Наташи с нами не было — в такие моменты она оставляет нас наедине.

— Ну что? Щас меня в камень обратишь взглядом, Медуз Горгон.

— Не коверкай персонажей мифов Древней Греции. Она — женщина.

— А что поделать, если ты, как она, смотришь, только он?

— Не паясничай, — обрубил отец. — Ты когда за голову возьмёшься, Рома?

— Зачем за неё братья? — поднял я брови вверх. — Она и сама прекрасно болтается.

— Роман, — нахмурился отец, и я понял, что с шутками пока стоит завязать.

— Я слушаю тебя, папа.

— Я задал вопрос: когда ты возьмёшься за ум? Последний учебный год, а ты вытворяешь что? Гонки, КПЗ... Что ещё?

— Пока всё, — не удержался я.

— Но ты наверстаешь?

— Не планировал.

— Слава богу. А я думал, у тебя есть план “как довести отца до могилы”.

— Да брось, пап, — пожал я плечами. — Я не специально же.

— Роман, — оставил он даже кофе и устремил взгляд на меня. — Я тебя прошу как взрослого человека — прекращай так себя вести. Думай об учёбе, не встревай никуда, не устраивай драк. И никого не доставай.

— Да кого я достаю?

— Мы прекрасно оба знаем кого. Сделай так, чтобы меня не вызвали в школу к директору уже второго сентября, не позорь отца.

— Никого я трогать не собирался, — пробурчал я.

— Что тебе сделала эта рыженькая девочка?

Я промолчал. Хороший вопрос — что? Только ответа у меня и самого нет. Просто раздражает своим видом, с перво-

го дня, как пришла учиться к нам. Умница чёртова... Всем её в пример ставят, и учителя, и даже отец как-то меня ею попрекнул — вот, мол, учится девочка, старается, на льготном месте, не то что я, лоботряс! И как после этого к ней нормально можно относиться?

— Так что она тебе сделала? Не слышу ответа.

— Ничего, — процедил я сквозь зубы. — Просто бесит. Сирота казанская, всем её жаль.

— Прекрати так говорить о девочке, — обрубил отец. — Чтоб я больше не слышал такого в адрес кого бы то ни было. Понял?

— Понял, — рывкнул я и нахмурился.

— Не трогай девчонку, Ром, — настаивал отец. — Далась она тебе. Вот играешь в группе своей — играй, спускай пар там. Столько энергии в тебе, не туда ты её направляешь.

— Да не нужна она мне, па! — вскочил я на ноги. Я как раз кофе благодаря отцу выпить не смог. — Чего ты ко мне привязался с ней?

— Вот и не трогай.

— И не собирался! Заняться нечем больше?

— Ну-ка стой, — не дал мне уйти отец. — Я ещё не договорил.

Я обернулся к нему. Он так и продолжал сидеть за столом и смотреть на меня поверх сцепленных между собой пальцев.

— Я уменьшаю твой лимит на карте.

— Что?!

— Сильно уменьшаю.

— Ну пап!

— Это твоё наказание за КПЗ. Хватит только на очень мелкие расходы.

Хотелось бы заорать, что он не прав и это несправедливо, но как раз всё ровно наоборот. И поэтому я просто понуро опустил голову.

— А если ты будешь вести себя так, что меня станут снова вызывать в школу, — продолжил говорить он. — Я лишу тебя денег вовсе. Ты понял?

— Понял, — процедил я сквозь зубы.

— Я очень на это надеюсь, — не поверил мне отец, но, видимо, решил всё же закончить неприятный для нас обоих разговор. — Иди собирайся. Скоро будем выезжать.

Я пошёл в свою комнату, чтобы там надеть школьную форму. Обернулся у лестницы, ведущей на второй этаж.

— Я тоже надеюсь.

— На что? — поднял голову отец.

— Что ты не потащишь на линейку эту свою.

— Эту свою зовут Наташа.

— Потому что придёт мама.

— Я в курсе, — ответил папа. — И Наташа не поедет с нами, можешь расслабиться.

— Хоть одна хорошая новость за сегодня, — буркнул я и ушёл наверх.

3.1.

— Готов? — окинул взглядом меня отец, когда я спустился в форме со второго этажа.

— А сам как думаешь? — задал вопрос я.

— Опять ёрничаешь, — покачал головой папа. — Если у Ромы плохое настроение — всем лучше спрятаться.

Наташа уже крутилась возле отца, помогая ему завязать галстук. Он будто сам разучился это делать... Прекрасно раньше завязывал и без неё.

— Петь, повернись на меня. Ну откуда у мальчика настроение, если он просидел полночи в камере? Оставь в покое его. Ну красавец!

Это она сказала моему отцу, когда закончила с галстуком. Снова неосознанно скривился — терпеть не могу эти телячьи нежности! Как отцу это нравится? Гадость же... Ещё и Наташа защищает меня — приплыли.

— А он сам виноват, — крикнул отец. — Уже и не мальчик, а юный мужчина. Вымахал вон лось, выше меня... Вот пусть вырастет и учится отвечать за свои поступки. А то привык, что папа все за него решает.

— Так дай ему решать самому, — развела руками она.

— Он нарешает... Угу. Поехали!

Вот так всегда. Впервые я почти проникся к Наташе, но отец снова дал понять, что сам я решать ничего не буду. Хотя насчёт университета я просто согласен с отцом — нужна серьёзная профессия, чтобы потом пойти по его стопам. Папа

уверен, что рулит мной, однако это далеко не так. Разубедить его я, конечно же, не стану.

Я вышел следом за ним и сел в машину, которой управлял личный водитель. Мой личный водитель. Пока прав нет, хоть я и сдал уже теорию, и меня возит в гимназию нанятый для этого человек.

— На, — протянул мне отец букет цветов, который лежал на спинке сиденья в салоне.

— Что это за чухня? — сморщился я.

— Не чухня — что ещё за выражения такие, чёрт возьми! — а цветы для классного руководителя.

— Обойдётся, — заявил я, нажал кнопку стеклоподъемника и выкинул цветы в окно на полном ходу автомобиля.

— Ну и что ты сделал?

— Выкинул твой веник.

— Минус две тысячи с лимита твоей карты, — заявил отец, а я уже готов быть кипеть, как чайник на плите, от этого «прекрасного» утра.

— Да ради бога! Только дарить цветы я никому не буду!

Отец ответил лишь хмурым взглядом и отвернулся к окну.

3.2.

КАТЯ.

— Ну всё, бабуль, я поехала!

Я крутилась возле трюмо с зеркалом во весь рост. В длинных рыжих косах белые банты на резинке, школьная фор-

ма... Ресницы подкрасила тушью, что сделало глаза ещё более выразительными и огромными. Ну вот так поехать на линейку не стыдно.

Бабушка вышла в коридор и улыбнулась.

— Эх, Катёнок! Красивая ты у меня!

— Вся в тебя, бабуль!

— А то как же, — засмеялась она. — Я тоже молодая ух какая была! Правда, не рыженькая — это у тебя от мамы цвет солнышка!

— Ага, и противные веснушки... — сморщилась я.

— Очень даже красивые, — ответила ба. — Ничего ты не понимаешь. Тебя солнышко поцеловало!

— Угу, — кивнула я. — И теперь все дразнятся рыжей-конопатой. До сих пор!

— Да не обращай внимания на дураков! — сказала бабушка. — Эта красота отличает тебя от других, и однажды это заметит тот, кто тебе нужен.

Я опустила ресницы, чтобы бабушка не смогла прочесть в моих глазах смятение. Это вряд ли... Тот, кто мне нужен несмотря ни на что, меня замечает только тогда, когда ему хочется поразвлекаться и не на ком больше оторваться!

— Может быть, — ответила я, надевая новые белые балетки.

— Не может быть, а точно! — подняла вверх палец она. — Бабушка фигни не посоветует!

— Ладно, бабуль, — улыбнулась я ей. Так забавно, когда

она повторяет за нами с Дашкой молодёжные словечки. Научили бабулю плохому... — Неси цветы.

— Ага, щас.

Она доковыляла до балкона и вынула из вазы скромный, но красивый букет пионов с дачи соседки, которая растила их для первого сентября своей внучке и мне. Бабушка протянула цветы, и я забрала их.

— Опусть бутонами вниз, — сказала она мне. — Поломаешь ещё.

— Ага. Такси уже приехало.

Сегодня я поеду по-царски — на такси и с шашечкой. Негоже девушке с цветами и с белыми бантами ехать на автобусе... Хотя обратно я поеду именно так. А пока — как королева, и даже на иномарке!

— Жаль, что не смогу тебя проводить, — огорчилась всё бабуля. — Так хочется посмотреть вашу выпускную линейку.

— Ну мы же говорили об этом, ба, — погладила я её по плечу, чтобы она не расстраивалась. — Там будет жарко, много людей, шум, присесть негде... Оставайся дома. Всё хорошо со мной будет.

— Ну да, ну да... — кивнула она, а грусть в её глазах осталась. — Ты там хоть попроси сфотографировать тебя, что ли... Хоть так поглядеть на тебя.

— Ладно, найду я тебе фотографа, — ободряюще улыбнулась я ей. — Всё, пора, а то опаздаю. Пока, ба!

Такси доставило меня до школы быстро. Вскоре я уже шла по тротуару к месту проведения линейки. Ещё издалека я увидела свой класс, который топился на отведённом нам квадрате бетона, и пошла к ним. Радости у меня никакой не было от встречи с “милыми” одноклассниками после летней разлуки. Не видела и ещё бы сто лет не увидела. Среди всех я не увидела пока главного мародёра нашего класса — значит, пока можно выдохнуть спокойно.

Ребята скупно поздоровались со мной. Да и я ответила им тем же.

— Привет, — оказался возле меня Дима.

— Привет.

Я скорее ощутила, чем увидела, что приехал он. Рома... Всё внутри похолодело, едва я почувствовала, что он тут. Высокий статный парень приблизился к нам скорым шагом и поравнялся со мной. Подняла голову и встретила с взглядом его холодных голубых глаз, направленных на меня исподлобья. Я словно оказалась под дулом пистолета...

3.3.

Через секунду, которая показалась мне вечностью, Рома отвернулся и прошёл мимо. Дышать стало легче. Я сделала несколько глубоких выдохов, чтобы успокоиться. Только первое сентября, а я уже вся на нервах!

Роман встал недалеко от нас со своим другом Архипом. Их тут же окружила стайка девочек, которые всегда делали вид, что в их компании.

— Как дела, Питер? — прилипла к нему Инга, всемирная королева всех красот...

Ещё бы... У такого, как Питерский, всё должно быть только самое лучшее. Даже девушка.

— Могло быть и покруче, — угрюмо отозвался Рома.

— Кать, — позвал меня Дима, и я чуть не выронила с перепугу телефон. Оказалось, что Питерский ушёл, а я так и смотрела ему вслед, да ещё и прислушивалась к тому, о чём он говорил с Ингой...

— Что? — перевела я взгляд на одноклассника.

— Не смотрела б ты на него, — сказал он, слегка нахмурившись.

— На кого? — пожала я плечами, стремительно краснея. Дима заметил мои взгляды...

— На Питерского, — говорил он так, чтобы слышала только я.

— Да я не... Не смотрела.

— Не пара он тебе, Кать.

— Я и не...

— Или ты успела забыть, сколько гадостей он тебе сделал? — изогнул бровь Дима.

О нет. Прекрасно помнила. Потому так и трясёт от нашей встречи...

— Так, Попов! Не выдумывай, — вздернула я нос. — Делать мне нечего, как только на него пялиться. Я просто задумалась.

— Ну-ну...

— Лучше сфотографируй меня, — протянула я ему свой старенький телефон, предварительно включив на нем камеру. — Бабуля очень просила фото с линейки.

РОМАН.

Инга болтала без умолку какую-то чушь и задавала мне нудные вопросы, но я словно не слышал её. Отец остался позади всех, с другими отцами и мамами. Мой же взгляд намертво прилип к рыжей.

То ли я забыл, какая она, то ли она за лето изменилась — лицо стало более взрослым, черты лица все ещё мягкие, но уже не девчонки, а девушки. Даже бантики в честь праздника её не портили — наоборот. С телом тоже что-то случилось. У неё словно округлилось то, что нужно. Налилось соком и расцвело. Так бы и сжал её талию, чтобы ощутить, насколько она хрупкая и тонкая.

Стройная, яркая, вкусная...

Теперь ненавижу её ещё сильнее. Стоит мне увидеть эти рыжие косички и огромные голубые глаза, полные чистоты и наивности, как я становлюсь неуправляемым идиотом...

Красивая до дрожи в руках. И это плохо. Потому что сегодня ночью я опять не смогу уснуть.

Нежный юный бутон. Возле которого уже пытается осесть садовник.

Попов... Терпеть его не могу. Так и крутится возле неё с

конца прошлого года. Бесит!

Она болтала с ним, а затем передала свой телефон. Дима взял его в руки мой смартфон и встал напротив.

— Как я выгляжу? — спросила взволнованно она.

Охренительно, чёрт возьми...

— Ты очень красивая, Катюш!

Свело аж челюсти от злости. Подмазывается к ней, индюк тупой! Сам не заметил, как я вытянулся струной, чтобы услышать её ответ на это...

— Да я не о том, — смутилась рыжая. — Не съехали ли банты, не перекосилась ли юбка...

— Нет-нет, все чудесно, — показал «класс» рукой Попов, а мне почему-то дико захотелось ему эти пальцы переломать к чертям собачьим... — Слушай, ну камера у тебя — сущий ужас! Вообще ничего не видно толком.

— Ну как-нибудь уж сфоткай, — вздохнула она. — Я бабуле обещала.

— Давай я тебя на свой телефон сфотографирую и передам тебе фотографии, — предложил Попов. — У меня хорошая камера, твоя бабуля будет довольна.

— Давай, — просияла Катя. Она так красиво и заразительно улыбается, что мне тоже всё время хочется в ответ растянуть и свои губы в улыбке. Только бесит, что улыбается она кому угодно, но не мне.

Попов вытащил свой смартфон и стал её снимать. Катя позировала, выставляла кокетливо ножки, улыбалась. Солн-

це играло в медных прядях, красиво переливаясь зайчиками на её волосах.

— Ром, — дергала меня за рукав школьного пиджака Инга.

— Что? — ответил я, не в силах отвести взгляда от позирующей Кати.

— Ты совсем не слушаешь меня!

— Отстань, Максимова! — отмахнулся я от неё, и девушка наконец замолчала, обиженно надув губы.

— Ну вот, — сказал Попов. — Готово.

— Получились хоть несколько фото хорошими?

— Да все, Катюнь! Какую ни открой — везде красавица. Камера любит тебя. Ты в актрисы не думала пойти?

Я опять заскрипел зубами от злости. Какие тупые дешёвые подкаты... Неужели она на это поведётся?

— Да брось ты, Димка, — рассмеялась она колокольчиком. — Это не для меня. Ну, передай мне тогда фотки.

Я задумчиво переводил взгляд с неё на Попова. У него есть номер рыжей? Или они общаются в Сети? Теперь я хочу убить Попова ещё больше. И главное — он что, оставит её фотки у себя на телефоне?

— Продиктуй свой номер.

Она негромко назвала ему цифры, и он стал их вбивать в телефонную книгу. Еле подавил желание отнять его аппарат и раскурочить как следует об бетон!

Какого хрена?!

Надо найти способ фото забрать у него, а с его телефона удалить без возможности восстановления. Как и номер телефона.

Сузил глаза, не отрывая взгляда от него. Козел хитросделанный.

Камера у него лучше... Специально это всё и придумал, чтобы фотографии ее себе получить. Или её номер...

Попал ты, Попов.

3.4.

КАТЯ.

— Всем доброе утро! — обратилась к нам Алла Дмитриевна, привлекая к себе внимание класса и прекращая наши разговоры. — Поздравляю вас с первым сентября, выпускники!

— Ой, да спасибо, — высказался Архип. — Только тут соболезнавать надо.

— Да-да, точно! Так себе праздник!

— Нет, Ветров, именно праздник! — ответила ему наш классный руководитель. — И поэтому я буду вас именно поздравлять! А теперь выстроились в два ряда. Девочек вперёд, мальчики позади.

Мы начали меняться местами, пока не встали так, как просила Алла. Девочки оказались впереди, парни, которые почти все возвышались над нами на целую голову, топтались позади.

— Все ведём себя тихо. Скоро начинается торжественная

часть. Роман, идёмте со мной.

— Куда это? — тут же насторожился Питерский.

— Да не бойтесь — пока вы ничего натворить ещё не успели или мы об этом не знаем! — ответила Алла Дмитриевна.

— Вас, Рома, выбрали нести первоклашку с колокольчиком.

— О-о... Почётная миссия! — хлопнул его по спине Архип.

— Э-э... Ладно, — пожал плечами Роман и пошёл следом за Аллой.

Всю торжественную часть мы топтались и перешёптывались. Нас чествовали сегодня как никогда — одиннадцатый класс у нас был только один.

— А теперь, дорогие наши выпускники, для вас звенит этот последний в вашей жизни школьный звонок, ознаменовавший начало учебного года.

По периметру школьной площади пошёл Роман. На его плече сидела маленькая рыжеволосая девчушка с огромными белыми бантами и звенела колокольчиком, перевязанным красным бантом. Меня так растрогала эта сцена, что на глазах выступили слёзы. Рома, такой большой и сильный, с широким размахом плеч, твёрдо шагал мимо нас и нёс на плече девочку, словно она пушинка и он её веса совсем не ощущает... Красивый. Не получается глаз отвести... Да и вся женская часть линейки с удовольствием наблюдала за статным парнем и симпатичной девчушкой на его плече. Хотя бы тут я могла смотреть на него и не переживать, что кто-то это за-

метит и будет опять надо мной насмеяться...

Роман пронёс по кругу рыжую малышку и поставил её возле учителей.

— Спасибо большое, Роман и Алина! Первый и одиннадцатый класс! Встреча времён! Это было очень красиво! Можете вернуться к своим классам, а мы продолжаем.

Директор говорил что-то в микрофон, но мои мысли куда-то расползлись. Всё перед глазами стоял образ Романа, несущего девочку на своём плече... И почему меня так это впечатлило?

— Девчушка рыженькая была, — заметил Дима, который топтался где-то рядом позади меня. — Красиво.

— А меня так тоже несли в старой школе в моё первое сентября.

— Да? Здорово.

— Они тебя сами выбрали? — сказал Питерский, и я, вздрогнув, обернулась. Белый бант вместе с косой случайно задела его. — Зря. Такое убожество... Никого красивее рыжего дистрофика не нашли, что ли?

Как он тут очутился? Почему, когда вернулся, не встал к Инге и Архипу?

— Сам ты убожество! — нахмурилась я. — Отстань от меня!

Я снова задела его бантом, когда отворачивалась.

— Убери свои банты дурацкие, — проворчал парень. —

Напрялила тоже ещё...

— Сам встал тут, — ответила я. — Тебя сюда не звали!

— Питерский, а ты чё сюда припёрся-то? — вмешался в диалог Дима, толкнув Питерского, чтобы занять своё место позади меня. — Иди к своей компашке.

— Отвали, — пихнул его в ответ Роман. — Тебя забыл спросить, мля, где мне стоять!

Дима снова толкнул его, и уже сильнее, и Роман случайно налетел на меня. Я не удержала равновесия и начала заваливаться набок.

— Стоп, не падаем, — поймал он меня за талию, не давая упасть.

— Чё вы творите, идиоты? — стала ругаться я. — Отойдите оба от меня!

Я замолчала, понимая, что воздух перестал поступать в лёгкие, — руки Ромы так и остались лежать на моей талии. И не просто лежать — он почему-то сжал пальцы теснее, сминая мою форму и кожу под ней. На пару секунд меня словно парализовало. Горячие пальцы, жар которых я ощущала даже через ткань, сжимали меня, его тело позади себя я тоже чувствовала совсем близко. Я запаниковала, не нашла ничего лучше, как ударить по его рукам, и Питерский выпустил меня. Я тут же сорвалась с места и вклинилась дальше от них между девчонками.

— О, ты чё такая бешеная, Романова?

— Я... тут постою, — ответила я, ощущая, как больно

бьёт по рёбрам взбесившееся сердце и покрываются пунцом щёки.

— Капец ты придумала! Кто тебя сюда звал?

— Ну-ка тихо! — нарисовалась возле нас Алла. — Девочки, что мы тут выясняем прямо на линейке! А... Питерский! Не смейте бить Попова! Я... Немедленно отпустите Попова!

Я обернулась и поняла, что за нашими спинами действительно что-то происходит между Поповым и Питерским, — он просто оторвал его от бетона и тряс за ворот рубашки... Алла поспешила к ним и заставила Рому отпустить Диму, который явно по силе ему проигрывал и выглядел довольно жалко... Даже неудобно стало за него. Питерский — медведь тот еще... Мало кто из парней в классе сравняется с ним по силе, особенно если он зол. А этим утром у него явно что-то не заладилось. Неужели они с Поповым не поделили теперь квадратный метр бетона?

4.

Я не слышала, что парни говорили друг другу, но Алла Дмитриевна их еле разняла.

— Безобразие! — пыталась отдышаться она. Прическа сбилась, одежда немного перекосилась, как и у взъерошенных парней. — Затеяли драку прямо на линейке! Вашим родителям я об этом непременно доложу!

Отец Романа уже смотрел в сторону нахмуренного сына, но подойти ближе было нельзя. Но, судя по взгляду папы Питерского, его ждёт та ещё головомойка...

— А теперь — идёте в свой класс! — скомандовала Алла. — У нас классный час с вами и получение расписания на завтра...

Мы все нестройным отрядом пошли следом за классным руководителем.

— Ай! — взвизгнула я от неожиданности на лестнице, ведущей на второй этаж, где располагался закреплённый за нами класс.

Кто-то смачно, абсолютно наглым образом, бессовестно шлёпнул меня по заду! В полном шоке я обернулась, но позади оказались девчонки. Я нахмурилась и с подозрением пропустила их вперёд. Дурочки они, что ли, совсем? Или это всё же не они и тот, кто это сделал, позорно сбежал? Тогда я снова повернула голову и пропустила сзади идущих.

Мимо прошёл хмурый Роман, который даже не взглянул на меня, словно я была одним из элементов перил лестницы.

Я нахмурилась ещё больше. У меня два варианта: хлопнули меня по попе либо девчонки, которые шли позади, ради шутки, либо... Питерский.

И только я об этом подумала, как в желудке что-то ёкнуло.

Питерский ударил меня по... попе?

Даже мои брови невольно полезли наверх, а губы растянулись в улыбке — мне самой стало смешно от такой глупой догадки. Роман не стал бы меня трогать! Он — последний, кого интересуется мой зад!

И не девчонки — им-то это зачем?

Хотя если выбирать между ними — пусть это окажутся девчонки...

Пропустив почти всех, я шла за ребятами последняя.

— Кать, чего отстаёшь? — дождался меня Дима и пошёл рядом.

— Да задумалась просто, — ответила я.

— О том, какое кино ты хочешь посмотреть сегодня? — спросил он.

— Э-э... — замялась я. Идти с ним на свидание у меня желание так и не появилось. — Дим... Ты извини, но я не смогу пойти.

— Почему? — Парень явно расстроился.

— Бабушка себя не очень хорошо чувствует, — ответила я. Извини, бабуля! Дай бог тебе здоровья! — Я останусь с

ней.

— А, тогда — конечно, давай перенесём, — кивнул он. — Может, тогда завтра? А бабуле сил побольше!

Я поджала губы. Вот настырный. Но так не хотелось бы потерять нормальное отношение хоть кого-то в этом классе.

— Я пока не знаю, Дим, — сказала я. — Ничего обещать не могу. Зависит от того, когда поправится бабушка. Я не могу ходить и развлекаться в такой ситуации, сам понимаешь...

— Понимаю, — ответил Попов. — Ладно, пока выберу фильм.

Чёрт. Ну как ему сказать, что с ним вообще не пойду? Духу не хватило.

— Посмотрим, Дим.

— Понял.

— А что у тебя за война с Питерским? Что вы не поделили на линейке? — спросила я. Всё же очень любопытно... — Что он тебе говорил?

— Ой, да придурок он, — ушёл от ответа Попов. — Не обращай внимания даже.

Дальше расспрашивать у меня бы и не вышло — мы пришли к классу.

4.1.

Алла Дмитриевна долго говорила об организационных моментах. Продиктовала расписание нашего первого учебного дня завтра, а затем перешла к беседе. Вызывала по од-

ному одноклассников к доске и просила выступить: рассказать о том, как они провели лето.

— Катя Романова, — назвала учитель мое имя.

Настала моя очередь выходить к доске. Мои успехи за лето весьма скромные на фоне других. Я даже стеснялась рассказывать о своих каникулах перед всеми. Им это точно неинтересно... Но делать нечего, и я поднялась со своего стула и отправилась на середину класса, к доске, которая всегда заставляет меня волноваться по полной.

По дороге между рядов я ощутила, как кто-то больно потянул за косу!

— Ай! — пискнула я и ухватила за собственные волосы.

Повернула голову и обнаружила, что моя резинка с белым бантом, которая закрепляла одну из кос, теперь в руках Питерского. Именно он нагло и довольно больно стянул ее с меня и теперь под гогот друзей победно вешал бант себе на пиджак как трофей.

— Очень весело, — высказалась я, чувствуя, как распускается коса.

Убрала ее за спину, заплету уже после выступления у доски. Только нахмурилась. Придурок! Как же я его не выношу...

Попыталась абстрагироваться от всего и встала к доске лицом. На миг прикрыла глаза, чтобы выровнять дыхание. Затем повернулась к классу. Неловко сцепила пальцы рук между собой под взглядами одноклассников, как и всегда

пренебрежительными.

— Итак, как вы, Катенька, провели лето? — спросила Алла Дмитриевна. — Список литературы, который задавали вам, прочли?

— Да... Я прочла, — кивнула я, ощущая, как взгляды становятся еще более пренебрежительными... Кажется, из всех я одна и прочла весь список.

— Кто бы сомневался... Заучка, — не преминул воспользоваться возможностью в очередной раз поддеть меня Питерский.

Холодные голубые глаза так и припечатывали к доске. Руки дрожали, колени тоже. Ну почему я так его боюсь? Мне кажется, что я просто даже не вижу никого, только эти глаза жесткого избалованного мальчишки...

— Так, тишина, — постучала указкой по столу Алла и повернулась снова ко мне. — Это похвально, Катя! Недаром вы у нас лучшая ученица гимназии!

Градус в классе упал ещё ниже. Зря Алла об этом говорит — потом я неизбежно подвергаюсь нападкам одноклассников. Но сказанного уже не воротишь...

— Спасибо, — скупой ответила я.

— Так как вы лето провели? — задала вопрос учитель. —

— Да ничего интересного не происходило... Индии, слонов и путешествий у меня не было. Я работала.

— Вот как... Где же?

— В детском лагере. В Анапе. Частично и отдыхала, вы-

ходит.

— Кем же вы там работали, Катенька?

— Прислужой, кем ещё... — влез в наш диалог Питерский.

— Посудомойкой, наверное... На что она ещё годится, да и подальше от нормальных людей возле мойки и посадили.

Тут же по классу послышались язвительные смешки. Он унизил меня на весь класс. Опять...

4.2.

Я так надеялась, что смогу выдержать целый год, но уже в первый учебный день в горле встал ком, а глаза заволокло слезами. Ещё более унижительным было бы только расплакаться здесь на виду у всех...

— Питерский! — загремела Алла. — Прекратите так себя вести и извинитесь перед одноклассницей!

— И не подумаю, — нагло отозвался парень и сложил руки под грудью.

— Я напишу записку вашему отцу!

— Пишите, Алла Дмитриевна.

— Да что вы за человек такой, Роман? Вам же обидеть другого ничего не стоит!

— Можно я выйду? — попросила я ее негромко, ощущая, что больше не могу сдержать слёз, а плакать при всех мне не хотелось.

— Иди, конечно, — кивнула она. — Иди...

Я, ни на кого не оглядываясь, вышла из класса и почти бегом добралась до туалетной комнаты. Внутри никого не

оказалось, и я подошла к окну. Опёрлась о него руками и закрыла глаза, пытаюсь успокоиться и подавить рыдания.

Не хочу из-за него плакать, не хочу!

— Кать, — тронули меня за плечо, и я вздрогнула.

Обернулась и наткнулась глазами на Диму. Видимо, он пошёл следом за мной, а я за своими мыслями не слышала даже, как он дверь открыл.

— Возьми, — протянул он мне бумажный носовой платок, который я приняла.

— С... спасибо, — поблагодарила я его и утёрла глаза и нос. — Очень кстати.

— Не плачь ты из-за него, — говорил Дима. — Козёл он тупой.

— Я знаю, — комкала я в пальцах салфетку. — Но всё равно обидно.

— Понятное дело. Хочешь, я ему морду набью?

— Нет, — подняла я на одноклассника глаза. — Не вздумай! Бабушка узнает, что из-за меня драка, будет волноваться. А ей нельзя.

— Ладно... — нехотя согласился Дима. — А так руки чешутся.

— Я прошу тебя — не надо, — покачала я головой, глядя ему в лицо.

Роман — серьёзный противник, крепкий парень, который выглядит едва ли не старше и крупнее своих одноклассников, спортсмен и мастер спорта по плаванию. Если Дима на-

падет на него — произойдёт серьёзная драка. Это может стоить мне места здесь.

— Хорошо, обещаю, что не буду его трогать, — ответил Дима.

— Хоть он и заслуживает, если честно. Он меня вообще ведь за человека не держит.

— Да придурок он, — заправил мне за ухо он прядь волос. — Как можно тебя обижать? Ты же как котёнок беззащитный...

Рука Димы так и застыла на моих волосах — одна из кос окончательно распустилась. Он смотрел прямо мне в лицо и смущал меня. Этот момент почему-то казался мне каким-то интимным...

Внезапно дверь открылась, и моё сердце в очередной раз словно провалилось куда-то в пятки. Дима невольно отёрнул руку и отступил на шаг от меня. К нам вошёл третий — Питерский. Он встал напротив нас и переводил взгляд с меня на Диму. На Диме он остановил взгляд и смотрел на своего одноклассника предельно странно: недобро, исподлобья, сузив глаза.

Меня и успокоить никому уже нельзя? Питерский желает, чтобы я заливалась слезами вечно?

— Я не понял, Попов, — сказал Роман однокласснику. — Что мальчишки делают в туалете для девочек?

Слово «мальчишки» он выделил голосом особенно.

— Встречный вопрос, Питерский, — не остался в долгу

Дима. — Я исправляю тут то, что натворил ты.

— Я шёл в туалет и слышал мужской голос из женского туалета, — ответил ему Роман. — И решил, что кто-то нарушает правила...

— Как и ты сейчас.

— Да, как и я, — согласился Питерский. Меня тут словно бы не было вообще.

— Поэтому мы оба отсюда выходим, — Рома указал длинной рукой ему на дверь.

Дима перевёл взгляд на меня.

— Всё нормально, — ответила я ему. — Вам действительно здесь не стоит находиться... Идите, я приду скоро. Косу только переплету...

— Ну, ладно, — неуклюже потоптался Попов на месте и вышел первым.

Роман пошёл следом, но вместо того, чтобы тоже выйти вдруг закрыл дверь на щеколду изнутри...

4.3.

Я обернулась на него и раскрыла глаза шире. Что происходит?

— Ты зачем закрыл дверь? — спросила я, кожей ощущая опасность, которая исходила от него. Будь я на самом деле котёнком, то обязательно уже бы выгнула спинку, вздыбила шерсть и вовсю бы шипела на подходящего ко мне слишком близко Романа.

— Эй! Придурок! Ты чего там закрылся? — затарабанил

в дверь Дима. — Я щас позову на помощь.

Роман же устремился прямо на меня, заставляя с каждым своим шагом невольно отступать, а моё сердце — биться где-то в горле.

— Слышь, рыжая! — ухватил он меня за руку и больно сжал пальцы на моем запястье, когда нагнал меня у стены женского туалета. — У меня из-за тебя проблемы будут теперь.

— Из-за меня? — возмутилась я негромко, пытаюсь освободить свою руку и отступая под натиском все дальше и дальше, пока не врезалась спиной в холодный кафель. Дальше отступать было некуда. — Ты сам ведь меня задеваешь.

— А ты... — навис он надо мной, каким-то диким взглядом впиваясь в моё лицо. — ...могла бы и не рыдать на весь класс, чтобы тебя потом все жалели. Алла передаст отцу, что я довёл до слез одну заучку!

— Но ты и правда меня обидел, — вжималась я в стену, пытаюсь уберечь себя от его тепла и запаха, которые я ощущала так близко, что мое тело предательски начинало дрожать.

Питерский ровно секунду ещё вглядывался в мои глаза, затем скользнул взглядом по моим губам, отчего их внезапно закололо. Он неожиданно наклонился ниже. В голове невольно стали появляться дурацкие мысли, что он сейчас меня поцелует...

Я вздрогнула, когда кончик его носа коснулся моей ма-

кушки. Роман сжимал своими горячими пальцами мое запястье, а носом втягивал в себя запах моих волос.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Как дикий зверь какой-то, он словно наслаждался этим процессом.

Я же стояла и не дышала, словно замершая статуя. Меня просто парализовало, я не могла и двинуться с места.

Зачем он это делает? Играет, как кот с мышью... Я же собрала все свои силы, заставила себя напрячься в попытке сбежать от этого гнёта. Но он и сам уже отступил на шаг, выпустив мою руку с нескрываемым пренебрежением.

— От тебя булками несёт, что ли, заучка?

— Это духи... — еле пролепетала я.

— С запахом булки? Оригинально. Ты пахнешь столовой. На, — достал он из кармана белоснежный носовой платок. А бумажный — платок Димы — забрал и выбросил в мусорное ведро. — Выкинь эту гадость одноразовую... Он чистый. Вытри свои сопли. Ненавижу бабское нытьё...

Роман вложил мне в руку платок. Повернулся ко мне спиной, за несколько огромных шагов пересёк небольшую комнату, открыл дверь и вышел в коридор.

4.4.

Я опустила глаза на платок Ромы. Такой белоснежный, что жаль портить. Убрала его в карман пиджака, нос утёрла салфетками в уборной. Тоже отправилась в класс.

В коридоре Алла отчитывала Романа, который, насупив брови, слушал её.

— Ты зачем закрылся, Питерский? Что вы там делали?

— Разговаривали.

— И для этого надо было закрыть дверь?!

— Попов мешал.

— Попов беспокоился о девушке!

— Ей не нужна его забота. Пусть засунет её себе в зад...

— Питерский, следите за языком! Вы с классным руководителем говорите! Катя, подождите.

Алла увидела идущую мимо меня. Мне пришлось остановиться на расстоянии пары шагов от них. Ледяные глаза Романа устали на меня, и по спине пробежал холодок. Ненавижу, когда он так смотрит. И ненавижу свою реакцию на это... Я не выдержала и первая опустила ресницы, переведя взгляд в пол под моими ногами.

— Да, Алла Дмитриевна, — отозвалась я. — Слушаю вас.

— Питерский вас обидел? — заглянула она мне в лицо, словно ища признаки какого-то насилия. — Скажите, не бойтесь! Мы найдём на него управу.

Обидел?

Да.

Но я не хотела выносить это на всеобщее обозрение.

— Н... нет, — отлепила я язык от нёба и ответила ей. — Ничего страшного мне... Рома не сделал.

— Что вы там происходило? — строго спросила она меня.

Я подняла глаза и снова встретилась со льдом голубых глаз Романа. Он сузил их и ждал, что же я скажу о том, что

было за дверью женской уборной.

— Мы просто поговорили, — ответила я. — Рома хотел извиниться. Даже дал мне носовой платок. Вот.

Я достала из кармана пиджака вещь Ромы и продемонстрировала её учителю.

— Да? — взметнула брови вверх Алла и переводила взгляд с него на меня. — Извиниться?

— Да, — кивнула я. — И сейчас тоже хочет. Так и сказал мне: “Катя, я готов извиниться перед Аллой Дмитриевной и перед всем классом”.

Повисло молчание. Питерский свёл брови вместе, понимая, что я спасла его зад, но одновременно и подставила.

— Ну что же... — остыла тут же Алла. — Тогда это меняет дело. Похвально, Питерский, похвально. Это так по-мужски — признать ошибку и попытаться её исправить.

— Согласна с вами, Алла Дмитриевна, — поддакнула я, уже предвкушая, как стану слушать извинения Ромы при ребятах. С другой стороны, в душу закрался страх — Питерский не простит мне своего позора и обязательно отомстит. Но это будет потом... — Очень по-мужски. Он готов.

— Тогда идёте, — указала она рукой на двери нашего класса, и мы двинулись за ней следом.

Роман дождался, когда я поравняюсь с ним, и пошёл рядом.

— Слышь, рыжая, — дернул он меня за рукав. — Ты что это придумала?

— Извиняться будешь на весь класс, — сказала я с улыбкой, вздёрнув нос. Достал уже за прошлый год. Пора бы уже и отвечать за своё хамство.

— А ты не офигела, заучка? — сверкнул он глазами, словно разъяренный волк, и я невольно вжала голову в плечи. Очень надеюсь, что он этого не заметил...

— Офигел у нас ты, Питерский. И только ты один.

— Что вы там шепчетесь? — обернулась с подозрением на нас Алла.

— Слова подбираем. Для извинений прилюдных, — ответил ей Роман.

— Правильно, — кивнула она и остановилась у двери, пропуская нас первыми. — Сейчас и начнём.

Мы встали с ним посередине класса на обозрение множества пар глаз. Одноклассники притихли и ждали, что будет. Алла прошла мимо нас к учительскому столу и подтолкнула Романа.

— Итак? Роман, вы что-то хотели сказать Катерине?

Он молчал какое-то время, поджав губы. Я чувствовала словно кожей его недовольство и гнев. Бесится — и поделом. Кажется, мы два вампира — питаемся отрицательными эмоциями другого...

— Извини, — пробурчал он себе под нос.

— Громче, Питерский, — попросила его Алла Дмитриевна, и Роман уставился на меня так, словно сейчас схватит, закинёт на плечо и выкинет в окно. Невольно захотелось отой-

ти от него — настолько меня прошибала его ледяная энергия.

— Извини, — повторил он громче.

— Катя, вы принимаете извинения от Питерского? — спросила Алла меня.

В моём воображении Роман извинялся с куда большим чувством и не столь сухо, но и так тоже сойдёт! Услышать извинения из уст Питерского — уже восьмое чудо света. Стоит позвонить на радио и поздравить с этим значимым событием всю Россию.

— Да, принимаю, — кивнула я и снова наткнулась на взгляд, красноречиво сказавший мне, что так просто этот номер не пройдёт...

5.

РОМАН.

Я смотрел на неё и мечтал прожечь взглядом насквозь.

Чёртова заучка! Так умыла меня перед всем классом! Что теперь пацаны обо мне думать будут?

Камикадзе.

Я ей это так просто с рук не спущу!

— Можете садиться на свои места, — сказала Алла, и мы под гомон одноклассников заняли их. — Тишина в классе! Продолжаем.

Алла Дмитриевна довела классный час до конца, раздала всю необходимую информацию для завтрашнего учебного дня и отпустила нас. Однако меня все же попросила задержаться.

— Роман, — обратилась она ко мне, когда мы остались наедине.

Я поднял на неё глаза, ожидая, что она скажет дальше. И быстрее бы уже сказала — мне надо ещё разобраться с зарвавшейся заучкой!

— Вы действительно осознали свою вину и хотели извиниться? — спросила она.

Конечно, мля! Горел желанием.

— Да, — кивнул я. Зачем уж развивать эту тему, раз Алла сама всё придумала с помощью рыжей.

— Что ж... Это уже большой прогресс для вас. Тогда я, в честь праздника сегодня, вашему отцу об инциденте в женской уборной сообщать не стану. Но буду надеяться на вашу сознательность!

Я с удивлением посмотрел на неё. Сильно меня это, впрочем, не спасёт — отец видел потасовку с Поповым на линейке. Но всё же одной головомойкой меньше. — Спасибо, Алла Дмитриевна.

— У всех должен быть шанс исправиться. Только щёколды будут везде теперь убраны — из-за вас, Питерский.

Я пожал плечами в ответ.

— Могу я задать личный вопрос, Рома? — спросила осторожно Алла. — Чем вам так не угодила эта девочка? Зачем вы её обижаете?

— Не можете задать вопрос, — нахмурился я. Вот это уж не касается училки!

— Так я и думала, что вы ответите мне именно это, — вздохнула она. — Только позвольте всё же дать совет: если девочка вам... нравится, то это не способ её добиться.

— Я не понимаю, о чём вы говорите, Алла Дмитриевна, — равнодушно отозвался я. — Вы извините, но меня ждёт отец.

— Пора взрослеть, Роман, — произнесла она. — Иначе можно потерять нечто важное.

— Отлично сказано, — кивнул я. — Так я пойду? Отец ждёт.

— Идите, Роман, — ответила классный руководитель, явно сокрушаясь о том, что её слова остались мной не услышаны. — До свидания.

— До свидания, — отозвался я и, поправив на плече рюкзак, вышел в коридор.

Осмотрелся вокруг себя.

Блин, и где её искать теперь? Наверное, ушла уже. А Попов, как собачонок, следом побежал. Алла потратила драгоценные минуты на бессмысленную болтовню.

Тут мой взгляд зацепился за рыжую. Она с кем-то заболталась по телефону и стояла у окна на первом этаже.

КАТЯ.

— Да, — говорила я в трубку. — Классный час закончился. Сейчас уже буду выходить и...

Телефон вырвали из рук. Я обернулась и наткнулась на Романа.

Опять он?! Да отстанет он от меня сегодня уже?

— Дай сюда, — протянула я руку за телефоном, на котором он нажал кнопку отбоя и поднял его вверх, чтобы я забрать не могла.

— Прыгай, — изогнул он одну бровь.

— Отдай телефон, я сказала, — повторила я, смело глядя в холодные глаза избалованного гадкого мажора.

— Прыгай, я сказал, — повторил и он. — Хочу поиграть с тобой в «собачку». Ты высоко прыгаешь, а, заучка?

— Питерский, ты просто идиот, — вздохнула я, начиная злиться и не понимая, как отнять свою дешёвенькую модель смартфона, которая ему точно ничем более не интересна кроме того, что моя.

Его глаза тут же стали ещё злее и ещё холоднее.

— Я щас его вообще разобью о стенку, — ответил он, сжав телефон в кулаке.

— Не надо, — вырвалось из меня помимо воли. — Я не смогу купить такой же...

— А мне плевать, — усмехнулся он и взглянул на смартфон. — Дерьмо какое... Как ты им пользуешься вообще?

— Нормально, — отозвалась я. — Не все родились принцами, как ты, Питерский.

— Ну да, — окинул он меня презрительным взглядом. — Некоторые рождаются, чтобы нас обслуживать. И телефоны у них соответствующие.

Нервно сглотнула ком в горле. Когда же этот год закончится? Мои нервы не выдержат просто.

— Отдай мне телефон, Ром, — устав пытаться вырвать его силой под смех мажора, попросила я.

— Никак, что ли, не достанешь? — ржал этот конь на весь коридор. — Че ты такая короткая и недоразвитая, а? Ущербная со всех сторон.

— Это ты шпала недоразвитая! — вспыхнула я и ударила его по груди. Рома машинально перехватил мою руку и сжал запястье пальцами. — В рост вытянулся, мышцы нарастил,

а про мозги... забыл!

Последние слова я договорила, растеряв былой пыл и испугавшись. От Романа снова стала исходить ощущаемая кожей опасность. Он наклонился ниже, чтобы то, что говорил он, слышала лишь я одна.

— А ты себя всё глубже закапываешь, да, заучка?

— Ром, просто отдай мой телефон, — почти шептала я, пытаюсь вырвать свою руку из захвата. — Меня бабушка ждёт, она будет волноваться. Да и тебя отец ждёт, я видела, что он здесь.

— Я ведь могу твою жизнь совсем в ад превратить, — проигнорировал он мои слова. — Превратить тебя в обслуживающую, в рабыню.

Я смотрела на него широко распахнутыми глазами.

Что?

— Ты сама сбежишь отсюда и лишишься своего прекрасного бесплатного места. То, что было — просто цветочки. А сейчас начнутся лютики. Или я сделаю так, что ты здесь учиться перестанешь, или ты будешь делать то, что я тебе скажу. Ты меня поняла, Катя?

Меня всю перетрясло. Я не могу лишиться этого места! Я не могу потерять это место, но и быть его служанкой я не готова тоже. Я смотрела на него, закусив нижнюю губу, и не знала, что говорить. Рома легко может устроить мне всё то, о чём сказал минуту назад.

— Я не слышу ответа, — изогнул он одну бровь. — Опять прикидываешься глухой, рыжая? Хочешь жить в аду?

— Я тебя поняла, — сказала я.

— И?

— Не хочу жить в аду.

— Тогда первое, что ты сделаешь сейчас — извинишься передо мной за цирк, который ты устроила в классе, «идиота» и «шпалу».

— Ты сам попросился! — вспылила я.

— Да? Ну хорошо, — ответил Питерский и вручил мне мой телефон обратно. — Забери свою рухлядь и не плачь потом, что я тебя не предупредил о последствиях.

Он уже сделал шаг к выходу, как я остановила его.

— Подожди.

Питерский повернулся ко мне, и я, действуя словно по наитию, осмелилась подойти ближе. Это мой единственный шанс спасти себя. Я смотрела в его глаза, он смотрел в мои и ждал.

— Извини, — сказала я. — Я не должна была никого оскорблять. Я не права.

— Ты меня на весь класс клоуном выставила, рыжая. Ты думаешь, тебе это просто сойдёт с рук?

— Я не буду так больше делать, — продолжала я смело смотреть в его лицо. — Обещаю.

— Можешь попробовать сделать ещё раз, — хмыкнул Роман. И навис надо мной сам, опершись о стену рукой над мо-

ей головой. Ну, самый настоящий медведь. Я рядом с ним как мушка мизерная. — И узнаешь тогда мой гнев в полной мере, мелкая! Извинилась — молодец, послушная девочка. Только ничего ещё не окончено, ясно?

— Ром, — пролепетала я и положила руку на его грудь, пытаюсь снова остановить и как-то успокоить, что ли... Взгляд так и не сводила с его лица, которое теперь оказалось совсем близко, и я понимала, что куда-то начинаю будто проваливаться — его глаза, и больше ничего вокруг. — Я прошу тебя — не поступай так со мной. Ты же знаешь, что... Что я не могу потерять это место — моя жизнь будет разрушена. Это у тебя есть папа, он тебя куда хочешь отправит учиться, а у меня только бабушка. Старенькая бабушка, которая часто болеет, ей нужны дорогие лекарства. Я должна получить образование, чтобы иметь возможность содержать себя и её. Нам больше некому помочь. Понимаешь? Ром...

Его имя я почти мурлыкала, пытаюсь найти к нему подход и человека. Должен же быть в нем человек, в конце концов!

— На жалость давишь, рыжая? — спросил он тише обычного. В его голосе появилась явная хрипотца, а глаза будто затянуло поволокой. — Не по адресу!

Что у него за реакция странная на мои слова? От его взгляда и ощущения своей ладони на его крепкой груди, в которой бешено билось его сердце — я чувствовала очень четко, — меня била дрожь, но я не убирала своей руки.

— Нет, — покачала я головой. — Просто надеюсь, что

ты лучше, чем хочешь казаться. Ром... Ты такой большой и сильный, разве ты обидишь слабую девочку? Рома...

Роман неожиданно накрыл мою дрожащую ладонь своей — огромной и горячей. Я не ожидала этого и невольно дёрнулась, хотела отнять её, но он в ответ сжал мои пальцы своими, не дав двинуться с места. Его глаза стали как будто совсем пьяными, он вдруг наклонился ещё ниже, одновременно подтягивая меня к себе. Я прерывисто дышала, не понимая, как себя сейчас вести, и слышала в ответ безумную дробь его сердца. Я не ожидала, что он захочет меня...

— Нет! — вырвалось из меня, когда он почти коснулся моих губ.

Мне удалось увернуться, я изо всех сил надала руками ему на грудь, и Роман выпустил меня.

Медленно отступала от него, а потом, больше не сказав ни слова, развернулась и почти бегом бросилась из школьного коридора на улицу.

Сердце колотилось где-то в горле, пока я, сжимая телефон в руке, неслась по лестнице вниз. Только оказавшись на улице и пройдя шагов пять, я стала успокаиваться и замедлять шаг. Даже если сейчас Питерский пойдёт за мной — здесь ещё много школьников и ожидающих их родителей, в том числе нахмуренный отец Романа.

Руки так тряслись, что я одной сжимала телефон, а другой — лямку рюкзака, чтобы хотя бы попробовать замаски-

ровать волнение.

Питерский пытался меня поцеловать.

Меня.

Поцеловать.

Меня...

Это просто не укладывалось в голове.

От мысли о возможном поцелуе в животе тут же вспорхнули бабочки и так сильно стали щекотать стенки желудка крылышками, что я невольно опустила руку на блузку в области солнечного сплетения. Шумно выдохнула.

Боже, ещё секунда — и он мог действительно меня поцеловать!

И это был бы мой первый поцелуй...

Никому из парней я не позволяла так близко приблизиться к себе... Никогда.

Бабушка часто говорила мне:

«Будь осторожна с юношами, девочка моя! Ты уже взрослая и должна понимать, что мальчиков тянет к девочкам. Им необходимо очищать своё естество, но ты должна понимать, что это не проявление любви. Ты не должна позволять прикасаться к себе или что-то большее до свадьбы. Нужно беречь себя для любимого. Настанет тот момент, когда какой-то мальчик захочет перейти грань дружбы — не позволяй, жди, когда свататься придёт!»

Только когда была молодой моя бабушка — времена шли совсем другие. Сейчас брак зачастую никто и не предлагает.

Девушки сами позволяют вступать с ними в отношения — так зачем им жениться?

Но... Получается, я стала для Романа той, с кем он хочет... очистить это самое естество? Если я, конечно, верно поняла смысл сказанного бабушкой...

От этой мысли совсем голова закружилась, а бабочки в животе взбесились окончательно и готовы были просто вылететь ворохом и улететь в небо.

Или это часть очередной глупой игры Питерского?

Вдруг он заметил, что нравится мне, и решил превратить меня в свою верную собачку? Влюбит меня в себя, и я начну делать всё, что Царь захочет, — может, на это расчёт?

Только не дождётся! Не буду я ползать возле его брендовых кроссовок.

— Кать, — услышала я и вздрогнула.

— А... Дима, ты...

— Ну да, кто же ещё? Ты чего такая взволнованная? Выглядишь так, словно за тобой волки гнались.

Почти. Один волк. Очень злой и безжалостный, и тоже чуть не сожрал меня, стискивая в огромных лапах моё хрупкое тело.

— Ничего, всё в порядке, — ушла я от ответа и попыталась его обойти. — Я пойду, Дим. Извини.

— Куда? — увязался он всё же за мной.

— Домой.

— Так я тебя, вообще-то, ждал тут. Давай провожу.

— Разве тебя родители не ждут?

— Не-а, — мотнул он головой. — Не смогли они прийти.

— Дим, — остановилась я и посмотрела на него. — Если честно, я хочу побыть одна. Спасибо тебе сегодня за поддержку и...

Краем глаза я заметила движение на лестнице школьного крыльца и машинально повернула голову. Со ступенек сбегал хмурый и злой как чёрт Питерский. Я понимала, что возле чёрного танка-иномарки его ждал отец, но всё равно испугалась, что Роман опять что-то выкинет или привяжется к Попову из-за меня. Мне захотелось тут же сбежать, и, ухватив за рукав Попова, я потянула его за угол гимназии под ледяным взглядом ненавистных голубых глаз мне в спину, пока Питерский не дошёл до нас.

— Пошли.

Мы завернули за угол школы, и я выдохнула, когда пропал этот острый взгляд мне в спину. Мы шли молча какое-то время, Дима не отставал, а я не знала, что ему говорить. Поглядывала на него и никак не могла подобрать слова. Ну зачем он за мной пошёл? Тем более на виду у Ромы... Мне почему-то показалось, что ничем хорошим не кончится то, что Питерский нас видел — как мы уходим с Поповым вместе. Возможно, если бы не ожидавший Романа у ворот гимназии отец, он бы пошёл следом. Хотя... Может, у меня уже просто паранойя разыгралась? Какая разница Питерскому, с кем я

хожу? И зачем бы ему идти за нами?

— Дим, — остановилась я и повернулась к нему. Долго так тоже не может продолжаться. Если мне нечего ему предложить — нужно сказать об этом честно. — Я...

Замолчала и закусила нижнюю губу. Всё же подобрать слова очень непросто в такой ситуации. Я совсем не знаю, что именно будет уместно сказать сейчас.

— Я должна признаться, что не хочу, чтобы ты меня провожал, — все же оформила я свои мысли в слова и опустила ресницы. — Извини, я не хотела тебя обижать ни в коем случае. Но... Я пойду домой одна, Дим.

Парень разочарованно смотрел на меня. Он явно ожидал другого от меня. Но что я могу поделать, если моя душа не откликается на его призыв?

— И в кино не хочешь идти поэтому же? — спросил он глухим голосом. Очевидно, что я задела парня и обидела, хоть и невольно.

— Не только... — ответила я, заставляя себя смотреть в лицо Диме, а не на носки своих туфель. Я не должна быть такой трусишкой! Ему явно сейчас хуже, чем мне. — Бабушке действительно не очень хорошо. Я хочу быть рядом с ней. Но... В другой раз больше не приглашай меня, ладно? Я буду вынуждена отказаться.

Дима опустил голову на мгновение, а потом поднял глаза на меня.

— Это из-за него, да? — спросил он.

— Из-за кого? — переспросила я, понимая, что мы оба знаем, о ком шла речь, и чувствуя, как по спине пробегает холодок от одного упоминания о нём — Питерском... Да, из-за него, в том числе.

— Из-за Питерского, — сказал он с уверенностью и взгляделся в моё лицо, ожидая реакции.

Боже мой, я ничего не должна Попову! Но всё равно отчего-то жутко стыдно, и руки дрожат. Словно я его в чём-то обманула. Но ничего такого нет.

— А что он? — собралась я с силами и не подавала виду, что произнесённая вслух фамилия Ромы заставила меня волноваться.

— Он тебе нравится, — ответил Попов.

Сердце словно бахнулось о рёбра. Меня скрутило внутри и едва не согнуло пополам от его бешеных и болезненных ударов прямо здесь, на школьной площади.

Дима попал в яблочко. И оттого мне ещё более погано...

Я понимала, как выгляжу в его глазах — круглой душой! Питерский меня много раз доставал, обижал, а Дима защищал и успокаивал после стычки с Романом. Но каждый раз стоило Питерскому оказаться рядом со мной, как между нами начиналось какое-то необъяснимое сумасшествие, которое я испытывала только с ним. И которое... хотела повторить.

— Конечно нет, — вернулась я мыслями в реальный мир и сосредоточила взгляд на Попове. — Что за глупости?

— Ты меня обмануть пытаешься, Катя? — сузил он глаза.

— Мне кажется, я этого не заслуживаю.

— Не пытаюсь, — покачала я головой, пытаюсь убедить в этом скорее себя, нежели его. — Он придурок. Я никогда и близко его к себе не подпущу. Он здесь ни при чём. Просто я не хочу давать ложных надежд тебе, Дим...

Я снова встретилась глазами с его грустным взглядом.

— Ты хороший парень, но я не могу дать тебе ничего. Извини... Меня ждёт бабушка.

Я ускорила шаг и практически сбежала с территории гимназии. Я больше никого из них не хотела ни видеть, ни слышать. Мечтала побыстрее попасть домой, обнять бабушку, вдохнуть её родной цветочный запах и успокоиться. Слишком много потрясений для одного дня...

В автобусе по дороге домой мысли о произошедшем так и не покидали меня.

Я хотела, чтобы он меня поцеловал?

Наверное, нет. Я бы не хотела, чтобы мой первый поцелуй стал вот таким — странным, неуместным, второпях и после очередной стычки.

Но эмоции с ним рядом я испытывала. Глупо отрицать. Этот драйв я не получала больше ни от кого и никогда. Безумие. Потеря контроля. Действия на уровне инстинктов.

Это страшно, непонятно, неизведанно мною, но в то же

время это доставляло мне странное удовольствие — бабочки, хаотично порхающие по моему животу, его красивые глаза близко, тепло, запах...

Я не знаю, что это, но, кажется, я слышала такое определение похожему — химия.

Я понимаю, что это не любовь — все слишком странно у нас с Романом. Помутнение рассудка какое-то. Так у всех бывает? И когда это пройдет?

Я жила этими воспоминаниями и ничего не могла с собой поделать. Я перебирала в памяти каждое его касание, покрывалась мурашками с головы до пят только от одних картинок прошлого. Но я понимала, что поддаваться наваждению ни в коем случае нельзя — это разрушит меня же. Потому что для Ромы я — лишь интересная экзотическая игрушка, которая наскучит ему сразу же, как только он получит от неё всё, что ему хочется. Хотя поцеловать меня он пытался один раз — сегодня, но что-то мне подсказывало, что это не последняя его попытка, а значит, мне необходимо держаться от него как можно дальше...

— Привет, бабуль, — навесила я на лицо улыбку, чтобы бабушка не догадалась, что я расстроена.

— Ой, Катенька, — вышла из кухни она в фартуке и с руками в муке, которые вытерла полотенцем, чтобы обнять меня. — Вернулась уже! Так быстро доехала. Чуть не успела пирог к твоему приходу приготовить.

— Да зачем ты, ба?

Я разулась и пошла в комнату — чтобы снять форму, очень боялась ее испортить. Ещё одну такую же нам не потянуть.

Когда снимала пиджак, из его кармана выпал белый платок. Платок Ромы...

Я закусила нижнюю губу и уставилась на него, словно это не платок вовсе, а что-то опасное, готовое взорваться в любой момент. Повесила пиджак на плечики и подняла с ковра белую ткань. Поднесла ее к глазам. Обычный белый платок, хорошего качества, ничем не выделяющийся среди других. Кроме одного — он принадлежал Питерскому.

Перебирала ткань в пальцах и думала.

Так странно — в наш век уже почти никто не носит с собой платки из ткани. А Питерский носил, и теперь он находится у меня.

Что мне с ним делать?

Нахмурилась. Скомкала платок в кулаке. Зачем мне хранить вещи Романа?

Порывалась пойти и выкинуть его. Назло ему.

Но вовремя сама себя остановила.

Во-первых, бабушка увидит и станет спрашивать, чей он.

Во-вторых, это чужая вещь, и надо его вернуть. В потасовке с Аллой у класса он так и забыл его забрать, а я машинально сунула платок обратно в карман. Так он и остался лежать там.

Разжала кулак и снова посмотрела на белую ткань.

Интересно, он пахнет... им?

Поднесла к носу, не сумев побороть соблазн, и втянула воздуха в лёгкие.

Да, пахнет. Даже мурашки побежали по спине. Запах казался ещё таким уловимым, будто бы Роман прошёл рядом...

Резким движением убрала от себя платок и бросила его в один из отделов своего письменного стола, за которым я делала уроки. Нечего тут упиваться его запахом. Этот парень вовсе не для меня, и сегодня, обидев в очередной раз, — доказал это опять.

— Ну зачем ты за пирог взялась, бабуль? — спросила я её, когда переоделась и помыла руки.

— Хотела тебя порадовать, — улыбнулась она. — У тебя сегодня праздник!

— Не стоило себя утруждать.

— А мне приятно для тебя его готовить. Даст бог, буду и вам с твоим женихом его готовить!

Впрочем, бабушка сегодня явно чувствует себя вполне сносно. Может, я и зря ее отговариваю от пирога. Чем ещё ей заняться, пока я на учёбе? Сериалы уже надоели наверняка.

— С клубникой, как ты любишь.

— Ой, ну всё, — рассмеялась я. — Подкупила!

6.

РОМАН.

Моргнул и словно очнулся, получив довольно мощный удар в грудь от рыжей.

Она убежала по коридору на улицу. Я тупил ещё несколько минут и смотрел ей вслед, прежде чем тоже пошёл. У ворот гимназии ждал отец.

Душу заполнила горечь, прямо першило в горле. Руки отчего-то дрожали.

Что это на меня нашло вдруг? Зачем я пытался её поцеловать?

Её? Рыжую заучку и нищенку?

Где-то вдалеке пищала настойчивая мысль, что я хотел этого уже давно. Я ловил себя на мысли не раз, что смотрю на её губы, изучаю их и думаю о том, как бы ласкал их... О том, какие они на вкус. Наверное, сладкие, как вишня, или как этот запах ванили, которым она пахла сегодня. Он до сих пор словно витал возле меня, или мне так казалось, но аромат ванили от ее рыжих волос до сих пор стоял в мозгу.

Думал о том, насколько они мягкие и нежные. Как она сама. Я представлял, как она отвечает мне и я слышу... её тихие стоны взаимного удовольствия.

Так было в моей голове. В жизни же всё вышло иначе.

Она отпихнула меня от себя, как пса паршивого.

Смотрела как на мерзкого таракана, которого она презирает и мечтает раздавить.

Впрочем, здесь нет ничего удивительного после нашего с ней «общения» весь прошлый год. Кроме одного — почему теперь так погано на душе?

Подумаешь, заучка какая-то целоваться не захотела со мной... Вот ещё повод страдать!

Однако на душе словно выла выюга.

Много ли девчонок отказывали мне в поцелуе?

Нет. Только одна — заучка.

Даже смешно... Я усмехнулся сам себе, сбегая по ступенькам крыльца гимназии. Меня продинамила заучка! А я поплыл от её губ... Просто плыл от неё в этом грёбаном школьном коридоре...

Надо что-то с этим делать. Как-то выбить эту дурь из своей головы. Сегодня я захотел ее целовать, а завтра что захочу? Обнять? Я не хочу хотеть заучку!

Чёрт... Пытаюсь о ней не думать, и опять беру и думаю.

Как ты меня задолбала уже, рыжая!

Бесишь. Зачем ты только пришла сюда учиться?

Мой покой отняла. Моё спокойствие и дзен пошатнула.

Поднял глаза и встретился взглядом с ней. Она стояла и точила ляды с Поповым.

Руки сами собой сжались в кулаки.

Козел тупой, опять возле неё трётся.

Я тебя отважу от неё, зуб даю.

Но не сегодня. Меня ждёт отец.

Огромным усилием воли я заставил идти себя прямо, к машине отца и не идти за угол за ними. То, что Попов явно попёрся её провожать, едва не заставляло крошить зубы. И почему меня так это беспокоит, чёрт возьми? Мне должно быть плевать на то, кто провожает рыжую... Должно быть. Но мне не плевать.

— Ну наконец. Ты где застрял? — отчитал меня отец, едва я оказался напротив него и матери. — Все уже разъехались давно.

— Извини, — ответил я ему. — Алла Дмитриевна задержала. Привет, мам.

Мои губы тронула улыбка. Я видел, как к самому началу мероприятия подошла и мама. Она прилетела специально ради моей линейки. Мама живет в США, очень много работает и прилетает в Россию не часто.

— Здравствуй, сынок, — она обняла меня и посмотрела мне в лицо, задрав голову. — Какой ты вымахал за лето, с ума сойти! Огромный, красивый. Ух!

Она потрепала меня за волосы как маленького, вызвав мой смех.

— Алла хотела поговорить по поводу твоего поведения на линейке? — спросил отец, как всегда насупив брови. — Ты что опять за цирк с конями устроил, Ром?

— Петь, ну давай не сейчас ругать его, — обратилась к нему мама. — У него праздник. Дома поговорите, не в две-

рях же гимназии это делать?

— Да-да, ты права, — крикнул папа. — Побеседуем дома. Поехали тогда. Нас ждёт Наташа.

— Я с мамой поеду, — сказал я, оставшись на месте.

— Что? — поднял брови вверх отец. — Как это? А обед Наташи? Она старалась ведь.

— Да не нужен мне обед твоей Наташи! Я ее каждый божий день вижу, — проворчал я.

— Сын, — строго посмотрела на меня мама. — Так нельзя говорить. Уважай выбор отца. И раз вы договорились — езжайте и празднуйте. А мы с тобой увидимся завтра. Договорились?

Не хотелось соглашаться, но я понимал, что мама права.

— Договорились, — ответил я и пошёл к своему месту в машине. Открыл дверь и сел в салон. Отец сел с другой стороны.

— Ну, когда это закончится уже? — спросил он.

— Что именно?

— Да всё и сразу. Оскорбления Наташи, отвратительное поведение в школе? Как ты умудрился устроить дебош прямо на линейке?

— Ты обещал, что мы поговорим позже, — ушёл я от ответа.

Не поговорим. Не собираюсь ничего ему рассказывать.

Повернул голову и увидел идущую по тротуару Катю. Она шла одна.

Не понял.

Нахмурился.

А где же Попов? Неужели отправила его туда, где ему самое место — на хрен?

— Ну это что ещё за дрянь? — услышал я и обернулся на отца.

О чём это он говорил? О том, что я плясую на рыжую? Да, это действие — та ещё дрянь, но сделать с собой ничего не могу. Отец же протянул руку и сорвал с нагрудного кармана моего пиджака бант, который я снял с косы заучки.

— Ты теперь трофеи от своих девиц и домой таскать будешь?

— Отдай, — попросил я, остановив на нём тяжёлый взгляд.

— Да выкинь ты его. Зачем он тебе нужен?

— Отдай, говорю, — попросил я снова твёрдо и спокойно.

— Да на, — кинул мне на колени бант Кати отец. — Только умоляю — трусы не начни таскать домой!

— Да не стану я ничего таскать больше, пап!

— Смотри мне... Взрослый парень. Наверняка у тебя уже целая коллекция...

Папа не прав. Коллекцию никакую я не собирал, и кто попало в ней точно не окажется. Если только у неё не рыжие волосы...

Сжал в руке бант и спрятал его в карман школьного пи-

джака.

Зачем он мне?

Да чёрт его знает.

Отец смотрел на меня как на имбецила, пока я нежно укладывал его себе в кармашек.

Рука не поднимется его выкинуть.

Это не просто бант. Это её бант. И я чувствую дебильную потребность его сохранить.

Отец проявил мудрость, которая у него всё же имелась и периодами просыпалась, и не стал больше заострять на этом внимание.

— Сделай вид, что ты благодарен Наташе за ужин.

Я только и поджал губы в ответ.

— Сын, — обратился ко мне отец, внимательно глядя в моё лицо. — Ну почему ты никак не примешь мою жену?

— Невесту пока еще, — поправил я его.

— Пусть так. Почти жену, — кивнул папа. — Через две недели у нас свадьба. Это не меняет сути моего вопроса. Что она тебе такого сделала? Старается так для тебя.

— Вот именно, папа! — поднял я брови вверх. — Она слишком много старается. Можно не трогать меня, и тогда я её всем сердцем полюблю!

— Ром, ну я серьезно же с тобой говорю...

— Я тоже. Она слишком лезет и в мою жизнь. Как сейчас со своим обедом. Я хотел бы поехать с мамой. Я и так выбрал жить с тобой и вижу ее в лучшем случае только на каникулах.

Папа пару минут помолчал. Он понимал, что я прав. В своё время так и было — при разводе родителей, когда мне было двенадцать, я решил остаться в России с отцом. Мама же уехала с США, куда до этого уже ездила на стажировке, устроилась там на хорошую работу и вышла замуж за американца. Но я не жалел об этом. В другой стране мне пока жить не хочется — я привык к России, гимназии, одноклассникам. И отцу без меня стало бы очень одиноко, я знаю. У мамы быстро появился новый муж, ей было куда веселее, чем моему угрюмому несколько лет отцу, который принял факт развода, — инициатор моя мать. Да и видеть Джона, вечно облизывающего мою мать, мне было ещё более мерзко, чем отцовскую Наташу. Я уже к ней как-то и привык даже.

— Ром, я ценю, что ты остался со мной, — сказал он. — Правда. Но мне неприятно видеть, как ты иногда относишься к женщине, которая вернула краски в мою жизнь. Она искренне старается, а ты её обидишь, если не поедешь на этот обед.

— Так я уже еду, если ты не заметил, — проворчал я.

Отец поджал губы и коротко глянул на меня.

— И вечно эти твои шутки...

— Юмор спасает мир.

— Это красота мир спасает, а не юмор.

— У тебя, может, и красота, — парировал я. — А у меня — юмор.

— Ладно, пусть так, — не стал спорить папа. — Но всё

же — садись за стол не с таким выражением лица, какое у тебя сейчас.

— А какое у меня выражение?

— Такое, словно ты лимонов объелся.

— Нет, папа, — ответил я. — Такое лицо — твоя прерогатива после любых твоих переговоров в Бангкоке.

— Ишь ты жук! — шутливо пихнул он меня в бок. — Слов каких понабрался! Ты разве умеешь ими апеллировать?

— И даже знаю их значение, — поднял я палец вверх, вызвав тихий смех отца, что бывает не часто.

Давно мы так с ним запросто не говорили, откровенно. Всё лето я где-то мотался, а папа летал по командировкам или проводил все вечера со своей Наташей. Когда она появилась, он стал уделять времени ей значительно больше, чем мне, полагая, что я уже взрослый и мне не столь нужна его забота теперь. Наверное, частично моя неприязнь к Наташе обусловлена именно этим, но я предпочитал не признаваться отцу.

— Я могу аккуратно намекнуть Наташе, что её внимание тебе не нравится, — посмотрел на меня отец, когда мы уже подъезжали к дому.

— А вот щас я удивился, — уставился я в ответ на него. — Что — прямо так и скажешь: «Оставь в покое Злого Рому наконец»?

— Нет, конечно, — поднял брови вверх отец. — Выдвину это под видом своей идеи. Мол, наблюдал за сыном, и вот

что понял...

— Что ж... — пожал плечами я. — Неплохо придумано. Буду благодарен, если твоя Наташа перестанет пытаться меня накормить. Я сам в состоянии разобраться с этим вопросом.

— Так она же как лучше хочет, — вздохнул отец. — Заботу проявляет о мужчинах в нашем доме. К тому же меня тоже волнует вопрос — поел ли ты.

— Не переживай, пап, — ответил я. — Тренировки так и так силы отнимут и заставят меня есть!

— Хоть кто-то... А то вечно бежишь куда-то, жуя бутерброд на ходу!

— А вот и мои мужчины, — воскликнула Наташа, встречая меня и отца у дверей.

Меня чуть не перекосило от сладости, но, помня слова отца, я попытался изобразить подобие улыбки. Кажется, вышел нервный оскал, и Наташа с подозрением уставилась на меня. Ладно, мне, пожалуй, не стоит улыбаться. Постараюсь быть просто нейтральным. В конце концов, девушка старалась — отец прав. Вот только еду её я действительно не люблю — готовка не для неё.

— Мойте руки и за стол, — говорила она, с важным видом снимая фартук. Значит, накашеварила всё же... По мне — лучше бы готовила нанятая прислуга, как было раньше, до того, как она переехала к нам. Но отца стряпня Натальи

устанавливала, а отбивать у неё желание хозяйничать он не собирался, поэтому кастрюли перешли в её владение. Не самому же мне варить себе обед?

— Наложить тебе, Ром? — спросила она первым меня, держа в руках половник для борща.

— Немного, — ответил я, встретившись со взглядом отца.

Она налила пару половников горячего и поставила тарелку передо мной. Затем наложила обед отцу и себе. В животе заурчало, я успел проголодаться. Взял ломтик хлеба и ложку: решил отведать, что там сегодня наваяла будущая жена отца. Надеюсь, не отравлюсь и борщ не окажется пересоленным. А то, как назло, жрать охота...

— Возьми сметанки, — придвинула мне пиалку с ней Наташа, и я зачерпнул добрую ложку.

Весьма кстати — если борщ окажется мерзким, сметана заглушит его вкус.

Но на мое удивление, горячее оказалось сносным, я съел всю свою порцию. Кулинарные навыки Натальи вроде бы стали улучшаться. Что ж...она не безнадёжна — это радует. Впрочем, её харчи мне осталось есть не столь долго — до конца школы, дальше я не планировал жить с отцом.

— А у меня ещё и второе есть, и пирог! — заявила Наташа, когда мы с отцом опустошили тарелки, и унеслась к плите.

Второе тоже было неплохим, хотя я всё же предпочёл бы еду более опытного повара.

— Спасибо, Наташенька, за вкусный обед, — улыбнулся ей отец, отдавая свою тарелку от второго. А потом незаметно для неё толкнул меня локтем.

— Да... Спасибо.

Она обернулась, держа в руках тарелки.

— Тебе правда понравилось? Я учусь, но...

— Нормально, только...

— Да. Ему очень понравилось, — вклинился отец, видя, что я хотел бы ляпнуть что-то типа «только учиться тебе ещё долго».

— Ладно, — порозовела она от смущения. — Пойду за пирогом. Он, правда, из пекарни...

И слава богу. Хотя что-то не её изготовления.

— Как прошла линейка? — спросила Наташа меня, нарежая пирог и раскладывая его по тарелкам.

В голове пронеслась стычка с Поповым на школьном дворе.

Огромные глаза заучки, которая ни фига мне не рада.

Её белые банты на рыжих волосах — дико сексуально. И ещё раз бы дёрнул её за волосы...

Этот шлепок по её упругой попе, от которого я не смог удержаться.

Близость к ней в женском туалете, от которой до сих пор жар опалает щёки.

Обида и горечь от поцелуя, который Рыжая просто отвергла...

— Обычно прошло, — ответил я, тряхнув головой и отгоняя от себя картинки, полные образов Рыжей. — Ничего интересного... Пустая болтовня на несколько часов и расписание на завтра. Мне к первому уроку завтра, пап.

— Скажу Сергею, — отозвался он. — Мне завтра раньше на работу. Скоро начинается предвыборная кампания. Снова буду ночевать в офисе...

Сергей — водитель, который возит меня в гимназию.

— Да ладно тебе, па, — пожал плечами я. — Выберут они тебя, станешь ты мэром.

— Приятно, что ты так веришь в меня, но в прошлый раз у нас не вышло. Николаев обошёл меня буквально на два процента.

Четыре года назад отец действительно проиграл на выборах и пост мэра занять не смог. Так и остался лидером одной из самых сильных политических партий.

— А в тот раз его ты порвёшь как Тузик грелку.

Отец уставился на меня.

— Формулировка мне не нравится, но верить в смысл твоих слов мне бы хотелось.

— Да всё пучком будет, па!

— Роман, говори по-человечески! — одёрнул отец, впрочем, очень даже довольный моей поддержкой. — Что ещё за пучки? Как вы, молодёжь, поступать в вузы с такими словечками собираетесь?

— Меня ты «поступишь», — пожал плечами я. — Даже

если я буду вообще немой — возьмут.

— Не стоит рассчитывать только на это, — покачал головой папа. — Всю жизнь за тебя всё решать я не готов, сын.

— Да нормально всё будет, па, — ответил я, вставая из-за стола. — При комиссии я так говорить не стану, не переживай.

— А перед отцом можно?

— Ну, па... Я же дома. Может, мне ещё во фраке к тебе выходить и обращаться исключительно на «Вы»? Папенька, я хотел бы уйти в свою опочивальню...

— Иди уже, шалопай, — махнул рукой он. — У тебя ещё, кажется, тренировка сегодня?

— Да, папенька.

— Тогда иди отдыхай. А вечером я зайду к тебе — у нас остался с тобой один важный разговор.

Я только и вздохнул. Отец собирается высыпать мне кирпичей на голову за первое сентября, что, впрочем, закономерно...

Поднялся к себе и упал в пиджаке на кровать. Лежал, смотрел в потолок, особенно ни о чем не думая. Хотя вру — думая, конечно... Обо всякой фигне.

Завтра так неохота тащиться в школу. Опять эти все напруги, дурацкие наказания за проступки — хотя учителя полагают, что их идеи очень даже весёлые.

Первый урок — сразу алгеброй в лоб, причём сдвоенной.

Шевелить извилинами абсолютно лень, а Алла, которая является не только нашим классным руководителем, но ещё и математичкой, очень любит пытаться нас уравниваниями, пока мы всем классом не посинеем.

Где валялся мой рюкзак — я даже и не помнил. Тетрадки и ручки на столе лежали — Наташа позаботилась об этом, пока я пропадал в спортивном лагере весь август. Что ж, за это я её мысленно благодарю! Хотя что-то не искать завтра с утра, потому что — не собираться же с вечера в школу?

Опять эти уроки, одноклассники, Рыжая улыбается своими мягкими пухлыми губами, которые так и тянет подхватить зубами и прикусить.

Да бли-и-н...

Закатил глаза и сам себе цыкнул языком.

— Рыжая! — сказал я вслух, адресуя слова навесному потолку над моей лохматой головой. — Ну я вот лежу, думаю об учёбе. Это и так очень противные мысли. Меня и без того ждут изощрённые пытки и лишения. Ты какого хрена лезешь в них? Ещё больше всё испортила...

Ответа, конечно, не последовало.

Сам себе усмехнулся.

Я схожу с ума? Разговариваю уже сам с собой. А точнее — с Рыжей.

Если бы она только знала, что давно не выходит из моей головы...

Резко сел на кровати. От этой мысли обдало холодом.

Заучка не должна знать, что я думаю о ней. Ни под каким предлогом. Она не должна узнать, что я...

Что я не могу о ней не думать.

Я сам не знаю, когда я вдруг стал видеть её в своих снах.

Когда она пришла в наш класс год назад, кроме презрения у меня ничего не вызвала. Не было такого, как в дешёвом кино — она такая вошла, аки царица, грудь вперёд, волосы назад. А парни все как рот открыли, а я — так вообще в обморок упал от красоты!

Не обратил даже на неё внимания. Смешная, тоненькая, рыжая, конопатая, да ещё и заучка — кроме моего взгляда, полного презрения, ничего она не удостоилась.

А когда стала постоянно вылезать везде — лучшие отметки, активистка, любимица учителей — так совсем бесить начала. Тогда и началась наша война. Я считал своим долгом дёрнуть её, поднять на смех перед одноклассниками... Но чем больше обращал на неё внимание, тем больше понимал, что сам влип...

Её тело стало казаться мне не таким уж нескладным, глаза — глубокими, умными и красивыми, я даже заметил, что голубой зрачок окантовывает зелёная радужка, отчего иногда они казались голубыми, а иногда — зелёными. Когда Катя злится — они зеленеют. Обожаю, когда она злится и орёт на меня, — глаза так и полыхают огнём, а в эти моменты она обращает внимание только на меня.

А этим первым сентября я заметил, что она изменилась.

Повзрослела. Она выглядела теперь ещё более нежной, женственной. Пока я был вдали от Кати, у меня почти получилось о ней не думать, я даже подружку себе завёл на время смены в лагере, но стоило смене закончиться, как я без сожаления оставил подружку. Я думал, что эта блажь прошла — ну не могла же Романова мне в самом деле нравиться?

Но, когда я вошёл на территорию гимназии и увидел её, понял, что мне только показалось...

Скинул с себя пиджак и развязал галстук. Терпеть не могу эти удавки, но школьная форма обязывает. Вынул из кармана брьюк телефон и разблокировал. Открыл галерею и последнее сделанное фото.

Катя. Улыбается Попову — снова заскрипел зубами от злости. А ко мне вполоборота. На фото отлично видно, как девушка округлилась там, где надо. Школьная юбка не закрывает красивые колени, пиджак подчеркнул тонкую талию. Губы бантиком и немного курносый носик. И эти белые банты на рыжих длинных густых косах...

Пришла в голову дурацкая мысль, как я намотал бы одну из густых кос на кулак, притягивая девчонку к себе ближе...

Я сделал это фото, пока никто не видел и пока она позировала этому идиоту Попову, — чтоб ему пусто было! Не удержался.

Интересно, а если я начну с Рыжей нормально общаться, а не как обычно, она тоже мне будет улыбаться, как ему?

— Да ну, что за чушь ещё! — одёрнул сам себя, убирая

телефон, чтобы не смотреть на фото, будто так я мог ей отомстить. — За каким чертом мне её улыбки?

Врать самому себе бессмысленно. Я хотел бы, чтобы она так же беззаботно смеялась и болтала со мной, как с ним. Только о чём с ней говорить — не знаю. Да и после всего, что было, она меня терпеть не может, да и пацаны засмеют...

Вынул из другого кармана брюк белый бант. Зачем он мне всё же? Неужели я как дебил буду хранить его?

Буду. Вот как дебил.

Почему буду?

Потому что он принадлежит ей.

Поднёс на каком-то необъяснимом для себя порыве бант к лицу и втянул запах. Бант пах шампунем, ей самой и этой грёбаной ванилью, которую я учуял в девчачьем «ватерклозете»* от неё.

Мои мысли перебил звонок телефона. Поднял смартфон к глазам — Архип.

— Да, — ответил я.

— Питер, ты жив? — спросил друг. — Отец тебя уже лишил жизни или пока только карманных денег?

— Не издевайся, а? — попросил я. — Головойка впереди. Отец дал отсрочку до вечера в честь праздника.

— Понятно, — сказал Арх. — Я буду за тебя держать кулачки весь вечер.

— Да иди ты знаешь куда, мальчик с кулачками...

В ответ этот козел заржал.

— Ты на тренировку идёшь?

— Ага.

— Тогда давай встретимся в комплексе. Я уже выдвигаюсь.

— Давай. Пока.

*Water closet — санузел (прим. автора).

— Ну что? Отец не весь мозг выклевал тебе? — спросил Архип, пока мы переодевались к тренировке.

— Немного оставил, — хмыкнул я, надевая на голову резиновую шапочку и очки для плавания. — Пошли уже, а то щас Иосифович выключает остатки.

— Он может...

Наш тренер Иван Иосифович в самом деле спокойно вздохнуть без разрешения никому не даст. Но тренирует хорошо, стоит отдать ему должное.

— Встали напротив своих дорожек, — говорил Иван Иосифович на весь бассейн. — Начинаем разминку. Мне плевать, что было лето и вы всё забыли. Сейчас вспомните!

Тренировка прошла как обычно — только с непривычки немного болели плечи. Однако тренер расслабиться нам не даст — заявил о соревнованиях по району уже в октябре, а значит, гонять будет нас неслабо.

Вечером, когда я вышел из душа, пришёл отец. Сел на диван напротив моей кровати и смотрел на меня какое-то вре-

мя. Тут главное — не нарушать молчание, пока он собирает-
ся с мыслями и подбирает слова, — можно получить по шее.

— Рома, — заговорил наконец он. Я уж думал, до утра не
родит... — Я устал с тобой разговаривать.

Эка новость... Да я тоже устал слушать! Только куда де-
ваться?

— И теперь я больше говорить не буду, — заявил отец, и
я изогнул одну бровь. — Отныне я буду делать. Твой лимит
по карте я отключаю совсем.

— Пап! — округлил я глаза и возмутился. — Ты что —
хочешь, чтобы я выглядел бомжем?!

— Это почему ещё бомжем?

— А как я буду без денег?

— Зачем они тебе нужны? — спросил отец. — В школу
тебя водитель возит, питание и обучение в гимназии я опла-
чиваю сам. На расходы в бассейн или на твою гитару, на тет-
радки можешь попросить у меня — я всё куплю.

— И каждый раз просить?

— И ничего, не переломишься. Попросишь.

— Но ты всё время занят!

— Готовь список просьб заранее! — тоже повысил он го-
лос.

— А на свидания мне как ходить? — нахмурился я. —
Если оно не запланировано было. Буду тебе дозваниваться
— папа, купи Насте мороженое? И мне, если можно! Но если
что — мы и одну порцию на двоих поделим!

— Не юродствуй, — одёрнул он меня. — На мороженое буду выдавать разово. Накормишь ты своих девочек, не переживай.

— Прекрасно, просто прекрасно, — улёгся я на постель и отвернулся от него. — Вот спасибо — в деньгах уже упрекнул родной отец!

— А кто виноват, Рома? — вскипел и он. — Ты сам! Ты устроил драку на линейке!

— Он клеил Рыжую!

Повисла пауза. Отец смотрел на меня, я чувствовал спиной. Я же прикусил нижнюю губу — чёрт, я сказал лишнего...

— Так это все из-за той девочки? Кати. Я даже её имя выучил.

— Что из-за неё? — повернулся я к нему, попытался изобразить равнодушие, а заодно и прикинуться валенком.

— Весь сыр-бор, — договорил отец.

— Ой, да при чём тут эта заучка? — отмахнулся я, вставая с кровати. — Меня просто бесит Попов. И его подружки тоже!

— Ой ли? — изогнул одну бровь он.

— Пап, — закатил я глаза. — Давай только без твоих «ой ли лю-лю», прошу!

— Не из-за неё, значит, ты в драку полез?

— Нет! Он меня толкнул! — заявил я, и сам прекрасно осознавая, какой бред несу и что спалился перед отцом, но буду продолжать выкручиваться. Ни за что на свете не при-

знаюсь ему, что он прав — да, всё это из-за неё — Кати. Я ревновал на этой чёртовой линейке чёртову Романову к этому чёртову Попову, как чёртов бешеный индюк!

— Эта твоя болезненная тяга к этой девочке и даже какая-то одержимость ею начинают меня пугать, сын.

— Не одержим я ей! Чего ты выдумываешь какую-то фигу, па?

— Ну-ну, — хмыкнул отец. — Может быть, когда ты, Рома, перестанешь врать хотя бы сам себе, что-то изменится в лучшую сторону, но пока — как бы то ни было, всё будет так, как я сказал ранее: я лишаю тебя лимита по карте! Все расходы через меня под полным контролем. Ты меня позоришь на весь город, сын! А если и это тебя не обуздает — я предприму ещё более суровые меры, но воспитаю из тебя человека!

Он вышел из комнаты, а я плюхнулся снова на кровать и долбанул кулаком по подушке.

Всё из-за тебя, Рыжая!

И ты мне за это заплатишься.

7.

Листая ленту социальной сети уже перед сном в кровати в своём смартфоне, получил сообщение. Точнее, сообщения-то я получаю довольно часто, только отвечаю далеко не всем — так и висят диалоги непрочитанными.

Архип. Этому придурку отвечу.

Ну что там ему надо?

Развернул и вчитался.

“Эй, ботан, учебники собрал уже?”

Хмыкнул. Вот зараза.

Да, я стараюсь учиться нормально — отец за тройки пилит. Но не всегда получается, а иногда тупо лень. Только до “ботана” мне явно далеко. Арху проще живётся — его дома так не терроризируют по поводу отметок. Меня же за “тройбан” в четверти легко могут опять лишить... чего-нибудь. С моими попадосами наступит день, когда отбирать у меня будет нечего кроме обеда в школьной столовке, а сам я скоро в одних трусах останусь, хоть и брендовых.

“Я думал, учебники ты принесёшь”, — ответил я ему.

“Чего это я?” — пришёл тут же ответ мне.

“Тебе бицухи ещё качнуть не помешает”, — отправил новое сообщение в диалог я.

“Ой, мля, Ахиллес тут выискался...”

Я усмехнулся и закрыл диалог. Ахиллес — не Ахиллес,

а кое-что я накачать успел. Прекрасно в курсе, что в классе являюсь самым высоким и огромным среди парней, так что с этим спорить и насмехаться над этим глупо и бесполезно.

Опять телефон оповестил о входящем сообщении. И опять Архип.

Не договорил, что ли, про персонажей мифов?

“Кстати, есть инфа о прослушивании для нашей группы”, — прочёл я.

“Ну-ка?” — проявил любопытство я.

Да, пусть я и не собираюсь связать свою жизнь с искусством, но получить драйв от выступления на публике на каком-то крутом фестивале и, возможно, заработать денег или какой-то приятный приз типа записи песни в студии я бы не отказался. Я, Архип и ещё два парня — близнецы из десятого класса Даниил и Назар — проводим несколько дней в неделю в нашем гараже, оборудованном под наше помещение.

“Завтра скажу. Спи”, — пришёл новый ответ от Архипа.

Я недовольно поджал губы. Ведь не скажет теперь. А мне гадай и не спи полночи, что там за такая “инфа”.

“Ты просто мастер повесить интригу, мля!” — написал ему и застыл над диалогом.

Пальцы стали сами собой выполнять привычные уже манипуляции.

Зайти в профиль Архипа. С него — в профиль Попова. С профиля Попова — на страничку Рыжей...

Добавить её в друзья, чтобы не лазить каждый раз по этой цепочке? Да ни за что на свете! Чтобы она ещё узнала, что я в её профиле уже прописку себе оформил? Ну сейчас прямо. Лазил через друзей и буду лазить.

В очередной раз просмотрел её страничку. Ничего нового. Она скромно живёт, не любит выставлять напоказ свою жизнь и фоточки своего завтрака, обеда и ужина, как многие девчонки. Новые посты там появляются очень редко. Последние свежие — пейзажи моря и она в форме вожатой детского лагеря. Улыбается, сидя на камне и обнимая свои колени. Блики солнца играют на её волосах, веснушки кажутся ещё более яркими на бледной коже.

Красиво. Очень. Зря она стесняется их и своих рыжих волос. Сама даже не осознает, как необычна её красота и как она натуральна.

Я понял, что она там вожатой работала, конечно. Просто не удержался её потроллить сегодня.

Вздыхнул и закрыл её профиль, в очередной раз чувствуя себя воришкой. Ничего никогда ей не пишу, не лайкаю и не комментирую фото — молчаливый зритель.

Пытался уснуть, ворочаясь с боку на бок. Покоя не давала одна мысль: Катя была онлайн. С кем она переписывается? Кто-то ведь пишет ей, и она отвечает... И Попов был в сети. Она общается с ним?

Ответов на мои вопросы мне получить нигде, конечно, и поэтому я изо всех сил пытался гнать эти мысли, в кото-

рых она флиртует в переписке с тупым валенком Поповым... Вроде бы я всё это придумал, и, может, на самом деле она переписывается там не с ним, а с какой-то подружкой, или просто ленту новостей листает, а вот табло Попову раскрыть почему-то хотелось по-настоящему...

Несмотря на бессонную ночь, к классу алгебры я пришёл одним из первых. Уныло подпёр плечом стену и пялился в окно. В поле моего зрения показалась она — по школьному двору шла Романова. Сегодня без бантов уже, коса теперь одна. Я снова заскрипел зубами — Попов крутился возле неё, активно что-то рассказывая ей, а она заливисто смеялась.

Его табло точно очень пострадает!

— Питер, — позвал меня кто-то.

— Чё надо? — рыкнул я и обернулся.

— Оу, — изогнул одну бровь Архип. — Кто это так мальчика уже с утра разозлил?

— И тебе привет, — хмуро отозвался я.

— Привет, — кивнул он. — А если серьёзно? Ты чего рычишь с утра пораньше? Я почти испугался и чуть не убежал.

— Да... Неважно.

— Отец мозги опять выносил? — назвал Архип наиболее частую причину моего плохого настроения. — Наказал?

— Ага, — соврал я, не планируя называть ему реальных причин. — На финансовую диету посадил, строгую.

— Бедняга, — хмыкнул Арх. — Я куплю тебе в столовке булочку, так и быть.

Только, когда вернул взгляд на школьный двор, там уже не было ни её, ни Попова. Значит, скоро она поднимется к классу. Отчего-то я ощутил волнение и покалывание в пальцах. Я что — жду её появления и волнуюсь как первоклассник?

— Так что там за инфа про прослушивание? — спросил я Арха, чтобы и самому на что-то другое переключиться.

— Четырнадцатого нас могут прослушать для отбора на фестиваль осени. Помнишь, “Нурбания”?

— Ого, — округлил я глаза. — Туда только серьёзные группы попадают.

— Но у нас тоже есть шанс. Особенно с последними песнями близнецов.

— Да, конечно, — кивнул я. — Попытка — не пытка. Но там в какое время надо быть?

— Я думаю, что весь день займёт, — ответил Арх. — Очередь живая, коллективов заявлено много. Нужно сегодня подавать заявку и прямо к раннему утру туда ехать.

— Чёрт, — процедил я сквозь зубы, ощущая, как закипаю внутри.

— Что?

— У отца свадьба четырнадцатого.

— Блин, — огорчился Арх. — Тогда мы в пролёте... Твой отец точно против будет, чтобы ты вместо его свадьбы пы-

тался пройти прослушивание.

Мимо нас прошла заучка, почему-то оглядываясь на меня.

— Че вылупилась, рыжая? — спросил я её. — Дыру протрёшь.

— Проверяю, не появились ли проблески ума в твоих глазах! — отбила она тут же.

— Они всегда там были, ясно? — лениво отозвался я, словно говорить с ней — самое скучное занятие на свете.

— Незаметно, — усмехнулась она, а я залип на её пухлые губы. Как же чертовски красиво она улыбается.... Жаль, что такая зануда. — Вчера, наверное, от отца за свой дебош на линейке по полной отхватил, Питерский? Чего тебя лишили в этот раз?

— Так, всё, — одёрнул я её. Это чучело не будет насмехаться надо мной! — Шла куда-то? Вот и проваливай.

— Не очень-то и хотелось с тобой говорить, — пожала она плечами, откинула свои медные волосы назад и пошла в дальний угол коридора. — Сам пристал...

— Так, — вернулся я к нашим баранам. — Я поговорю с отцом. Может быть, мы найдём какой-то выход.

“Мам, мы увидимся сегодня после уроков или вечером?” — отправил я СМС.

Алла Дмитриевна вела урок, но я никак не мог заставить себя сосредоточиться на том, что она говорила. Я думал о

чём угодно, но не о теме занятия.

“Конечно, дорогой, — пришёл мне ответ. — Только почему ты вместо занятий пишешь мне эсэмэски?”

— С кем там переписываешься? — заглянул в экран моего телефона Архип.

— Любопытной Варваре нос на базаре оторвали, — сказал я ему и спрятал телефон. Вдруг я кому-то решу написать... запрещённому? А он пялится.

— Жалко, что ли, рассказать? — обиделся тут же он. — Я же тебе говорю, если у меня кто интересный появился... Это девчонка?

— Сам ты девчонка! — цыкнул я. — А я маме пишу. Она вчера прилетела на несколько дней ко мне на линейку.

— А-а... — протянул он понимающе. — Тогда ладно.

— Вот спасибо, что дашь мне договорить с собственной мамой!

— Да пожалуйста!

“Тут дико скучно, ма. Но я пытаюсь слушать. Давай тогда в кофейню ту ходим? На набережной. Помнишь, тебе там понравилось? Мы отмечали там мой день рождения три года назад”, — отправил я ей новое сообщение.

“Помню, Ром, конечно помню. Давай. Забронирую там столик тогда. А ты — слушай учителя!” — ответила мама.

“Договорились! И до встречи, мам”, — написал я ей.

— Слушай, — толкнул меня Архип локтем. Мы сидели с ним за одной партой, наверное, с первого класса. И с перво-

го класса он меня вот так пихает... — А как же Инга? Не нравится, что ли, больше?

— Не знаю... — пожал я плечами. — Я и думать про неё забыл за это лето.

— А она вон так и лыбится тебе. Глянь.

Я поднял голову и посмотрел туда, где сидела Инга. Та в самом деле внаглую отвернулась от доски и смотрела на меня, загадочно накручивая на палец прядь своих светлых волос.

Как скучно...

Невольно перевёл глаза в другую сторону — к Рыжей. Так и тянуло обернуться на неё.

Катя сидела ровно, сложа ручки на парте, как подобает лучшей ученице и истинной зубрилке, и внимательно слушала учителя. Даже без косметики и с простой косой она казалась мне красивее ухоженной и напмаженной Инги...

— Да что-то надоела она мне... — ответил я Арху, возвращаясь к нему.

А то ещё заучка заметит, что я смотрю на неё.

Не дай боже.

Позор на мою седую голову на весь класс!

— Давай другую найдём тебе. О, хочешь, Кузнецову из десятого? Такая, с большими си...

— Так, галёрка, почему я делаю вам уже второе замечание? — прервала наш бубнёж учитель алгебры.

КАТЯ.

— Да всё-всё, мы тихо, Алла Дмитриевна, — ответил один из парней.

— Этот катет не прокатит, Питерский, — заявила Алла. — Ну-ка, вставайте и пересаживайтесь за парту к... Романовой.

По классу тут же зазвучал гул. Все знают, как сильно мы не перевариваем друг друга с самого начала моего появления в этой школе для золотых детей.

Я замерла на месте. Холодно стало вдруг, а пальцы задрожали так, что я их сжала в кулаки.

Только не он!

Ну зачем Алла словно испытывает меня?

— Только не она, — заявил возмущённо Роман.

— Она, она, — кивнула непреклонная Алла. — Пересаживаемся. Мне ваша конференция с Ветровым уже надоела. С самого начала урока слова вставить не даёте.

— Почему она?

— По кочану, Питерский, — поправила она очки и уставилась на парня. — Если вы не пересядете сейчас же, я напишу записку вашему отцу и вызову его в школу, оторвав от важных совещаний. И вы получите наказание. Будете мыть пол в классе целую неделю.

Роман негромко чертыхнулся, схватил свой рюкзак, до-

шёл до моей парты и плюхнулся рядом, сверля меня недовольным взглядом. Выражение его лица надо было видеть — его словно с бомжом каким заставили сидеть рядом!

— Это единственный человек во всём классе, с кем вы молчите, Питерский, — сказала учитель. — И впредь на моих занятиях вы будете сидеть только так!

— Да они ж поубивают друг друга, — захихикал кто-то из девчонок. — Выживет сильнейший.

— Тишина в классе! — постучала по столу указкой Алла.

— Заучка, — шепнул мне наглый мажор и толкнул локтем, чтобы я убрала свой. — Двинься!

— Недоумок, — ответила я и отвернулась от него.

Его присутствие рядом сбивало меня с толку. Думать о том, что говорит Алла, больше не получалось. Я ощущала его тепло и запах даже на небольшом расстоянии, а сама мысль, что Рома сидит так близко, заставляла мои нервы натянуться. словно струну гитары перетянули, и она вот-вот лопнет... Напряжение просто колоссальное, напряжена была каждая моя мышца, кулаки нервно сжались снова, а по спине, и даже по затылку, против воли то и дело пробегали мурашки. Дышала коротко и часто, потому что вдохнуть полной грудью у меня не получалось.

Ну и как я буду проживать эти уроки? Я сойду с ума...

Или задохнусь.

— Чё кулачки свои детские сжала? — услышала я его ти-

хий насмешливый голос. Ну начинается... — Бить меня собралась?

— Тебе это не поможет! — зашипела я.

— Не поможет для чего?

— Стать умнее! Как был придурком, так им и останешься.

— Романова, я и так умный. Уж поумнее тебя, — высказался он, улыбаясь опасной улыбкой, после которой обычно выкидывал какую-то гадость. — А за новые оскорбления я с тебя три шкуры спущу.

Я закусила нижнюю губу и замолчала. Действительно — спустит. Он может. Так зачем провоцировать это животное? Лучше буду молчать.

Снова уткнулась в свою тетрадь, пытаюсь понять, что написала. Только видела почему-то какую-то белиберду вместо условий уравнения.

— А насчёт умнее... — снова услышала я его голос, который меня раздражал сейчас как никогда раньше. — У тебя ошибка в расчётах.

— Где? — расширила я глаза. — Не может быть!

Допускать ошибки для меня чревато. Любая плохая текущая отметка может повлиять на итоговую. С подозрением уставилась на Романа. Да он не мог лучше меня знать, как решить это уравнение! Хотя, стоит признать, в алгебре, и вообще в точных науках, он соображает очень быстро. В отличие от меня. Мне они даются тяжелее всего. Мне больше языки и музыка нравятся... Рисование и прочее. Только от-

метки по всем дисциплинам я должна иметь отличные, иначе потеряю бесплатное образование в гимназии.

— Да-да, — заметил Питерский, что я смотрю на него, и поднял голову. Мы встретились глазами. — Косяк, Романова! Просто косячище! Я-то знаю, что алгебра — твоё слабое место. Или ты считала, что идеальна во всём?

— Я никогда не считала себя идеальной. В чём-либо, — ответила я, вызвав его недоуменный взгляд, словно, по его мнению, я всегда считала себя богиней. — Но где ошибка-то?

Я в панике искала её по огромному уравнению, но не находила.

— Не скажу, — усмехнулся этот гад. — Ищи.

— Ром...

— Не скажу, — покачал он головой. — Вот как “лебедя” поймает по этой работе, так и узнаешь, где ошибка.

Тетради после выполнения задания велено сдать — Алла Дмитриевна хочет проверить, насколько мы “отупели” за лето. А значит, за эту работу будет выставляться оценка. И если я допустила ошибку, то получу низкий балл.

Я искала её ещё какое-то время, а потом подняла глаза на Питерского.

Гад, знает ведь, где ошибка, и не говорит!

Он снова увидел, что я сверлю его взглядом, мягко рассмеялся и отвернулся от меня. Тогда я попыталась сделать то, чего раньше никогда не делала — заглянуть в его тет-

радь. Уравнения одинаковые для всех, я сравню наши работы и пойму, где ошибка. Но только Питерский заметил, что я смотрю в его тетрадь, тут же закрыл её и положил сверху свою мощную лапу орангутана.

— Списываем? — изогнул он одну бровь.

— Кто? Я?! — возмутилась я, при этом красноречиво краснея.

Блин, да, чёрт возьми! Я хотела списать. У Питерского! Ужас какой... Он только сел за мою парту, а я уже таких дел наворотила...

— У придурка Питерского списываем? И не стыдно, Романова?

— Это я списываю?!

— Нет, я, — ядовито оскалился Рома. — А говорила, что не дура...

Поджала недовольно губы. Мне нельзя его обзывать, а вот он меня — пожалуйста! И попробуй скажи ему что в ответ... Сразу — “три шкуры спущу”.

— Ещё раз глянешь в мою тетрадь — Алле настучу, — улыбнулся довольный собой Роман, а мне захотелось тронуть его ровный белый зубной состав углом учебника... — Сама ищи, зубрилка. Ты ж самая умная, а ошибки детские делаешь...

Из-за чувства унижения жгло глаза от слёз. Но я не буду плакать из-за него и при нем. Собрала свою волю в кулак и ещё раз сосредоточилась на уравнении, только ни к чему

это не привело — ошибку я так и не нашла и сдала тетрадь как есть. Оставшееся время от обоих уроков провела в подавленном состоянии. Даже присутствие Романа так уже не волновало, как маячившая “пара” по алгебре...

А нет, все ещё волновало его присутствие. А точнее — бесило, особенно когда он вот так нагло забрал мой учебник и положил его ближе к себе с другой стороны парты.

— Эй! Куда? — возмутилась я. — Это мой учебник.

— Нельзя быть такой жадной, Романова.

Он оставил его лежать так, что мне и не видно было ничего за его лапами, и забрать бы учебник обратно не вышло.

— А мне как работать? — спросила я.

— А меня волнует? — ответил вопросом на вопрос он. — И кстати, таскать учебники — будет твоя обязанность.

— Чего?! Почему это я должна их носить для тебя? — округлила я глаза.

— Тебе ручки надо качать, Рыжая. Очень слабые они у тебя...

— Ты офигел, Питерский? — возмущалась я всё громче, уже привлекая внимание Аллы. — Это МОЙ учебник! Немедленно отдай!

Я потянулась за ним, но этот орангутан не дал мне даже дотянуться до него, перехватив мои руки и сжав мои запястья своими лапами.

— Так, что происходит? — повернулась к нам Алла, которая до этого писала что-то на доске. — Отпустите Рома-

нову сейчас же!

— Она у меня отбирает учебник, — заявил Роман.

— Он мой!

— Она врёт.

— Не вру, я его принесла!

— Докажи, тут ничего не написано, чей он!

— Прекратите немедленно! — одёрнула нас Алла Дмитриевна. — Питерский, вы везде и со всеми устраиваете ба-лаган! Скоро будете сидеть в коридоре, один!

— Ну она у меня отнимает мой учебник, а я виноват?

— Я видела прекрасно, что учебник принесла Романова, — сказала Алла. — Верните немедленно его Катерине. И завтра я вас в класс без учебника, подписанного вашим именем, не впущу! Ясно?

— Ясно! — рыкнул он в ответ.

— Вам, Роман, должно быть стыдно за ваше поведение. Вы, Питерский, остаетесь сегодня мыть полы после уроков в этом классе! Он будет открытым для вас.

— Да бли-и-н... — протянул Рома.

— И без ругательств, пожалуйста! А теперь тишина и продолжаем урок!

Урок шёл своим чередом, пока нас не прервал дежурный.

— Извините, Алла Дмитриевна, но мне нужно уточнить,

на сколько человек накрывать обед.

— Да-да, конечно, — кивнула Алла, откладывая в сторону маркер, которым до этого писала на магнитной доске. — Сейчас скажу...

Она раскрыла ежедневник на нужной странице.

— Семнадцать персон, — ответила она.

— А бесплатно питающихся?

— Одна. Романова Катерина.

— Понял. Записал. Спасибо.

Дежурный ушёл, и урок возобновился. Питерский так и косился на меня.

— Что? — спросила я шёпотом. А то не дай бог ещё оставит Алла мыть полы с ним!

— Ешь казённые харчи, — хмыкнул он. — Которые оплатили наши родители.

— И что? — ошетибилась я.

— Не стыдно?

— Не ваши родители оплатили, а государство. И я это место заработала, в отличие от тебя, которого твой папочка силком сюда пинает и платит за твоё образование.

— Смелая стала? — сузил он глаза.

На самом деле то, что я отличаюсь от других и питаюсь в школе на бесплатной основе — большое место для меня и очередной повод насмешек. Будто бы я виновата, что у меня родителей нет, в отличие от этих богатеньких детей. Я не выбирала себе жизнь и судьбу. Рома это понимает, потому и

колет в больное место, лишь бы потешить себя.

— Бесплатница, — шепнул он мне.

Я снова ничего не ответила ему. Зачем он меня цепляет и провоцирует? Наверное, ждёт, что меня накажут и я помою полы за нас обоих. Я не доставлю ему такого удовольствия! Буду молчать до конца урока как рыба.

— Почти как бесприданница.

Я отвернулась к окну, словно бы Романа тут не было вовсе и я ничего не слышала.

Слава богу, сдвоенный урок алгебры не бесконечный, а на других занятиях нас с Питерским вместе не сажали. Только расслабиться у меня всё равно не выходило — он явно за мной наблюдал.

Чего он хочет от меня, не понимаю? Было намного спокойнее, когда он обращал внимания меньше, но в этом году он словно решил превратить мою жизнь в ад. И у него получается...

Даже обед, который в гимназии всегда подавали как в ресторане, да и столовая выглядела соответствующе, казался мне безвкусным, и я уныло ковыряла вилкой салат из капусты.

— Можно к тебе присесть? — спросил Дима, держа в руках поднос.

Я подняла глаза на него, вынырнув на время из своих мыслей. Ещё вчера мы поссорились, но сегодня, встретив меня у школьного крыльца, Попов сделал вид, что ничего вчера

не случилось.

— Присаживайся, — пожала я плечами.

Чаще всего я сидела одна, по понятным причинам — в этой гимназии у меня нет друзей.

Дима сел напротив и уставился на меня. Меня это заставляло испытывать дискомфорт, и я снова подняла глаза на него.

— Кать, — смущённо улыбнулся он мне.

— Что?

— Прости меня за вчерашнее. Я не должен был так говорить с тобой... Ты ведь мне ничем не обязана и ничего не обещала.

— Ладно, — кивнула я. Главное, что он сам понял свою ошибку. — Проехали.

— Я хотел бы искупить свою вину.

— В смысле?

— Давай свожу тебя в кафе и угощу вкусным мороженым? Я такое место крутое знаю! Тебе понравится.

— Дим...

— Как друзья, Кать, — поднял он ладони вверх, будто сдаётся. — Я всё понял. Ни слова о большем, чем дружба. Представь, что я такая вот подружка. Мы же можем дружить?

Я окинула его снисходительным взглядом. Ничего себе подружка... С щетиной на лице.

— Дружить... — задумалась я. Что тут, собственно, плохого? Меньше шансов у Питерского останется издеваться на-

до мной, если рядом будет Попов. — Ну, дружить, наверное, можем. Но только дружить.

— Давай попробуем, — просиял Дима. — Бабушке лучше?

— Да, вроде бы...

— Тогда идём есть мороженое? Сегодня, вечером. Мне правда очень стыдно за то, что я тебе вчера наговорил... Дай скинуть с плеч мой груз.

— И тебе поможет в этом мороженое?

— Однозначно. Двойное. Не отказывайся. Ну чего тебе дома делать?

И действительно — нечего. Даже уроков пока ещё задают мало.

— Ну хорошо, — кивнула я, а Дима засиял, как начищенный самовар. — Пойдём... Попробуем твоё мороженое и снимем груз с твоих плеч, Друг.

— Отлично, друг! — протянул он мне свою огромную лапу, хотя, кажется, с лапой орангутана Питерского она всё равно не сравнится. — Дай пять!

— Только провожать меня не нужно, — ответила я ему, ударив по руке.

— Почему?

— У нас ещё собрание в театральном кружке. Не нужно меня ждать. И вообще — если я говорю, что не надо что-то делать, ты это просто берёшь и не делаешь. Иначе дружбы у нас не выйдет.

— Ну ладно, — пожал он плечами. — Тогда встретимся вечером. Я забронирую столик и напишу тебе адрес в СМС.

Мимо нас прошли к выходу Ветров и Питерский.

“Мы с Тamarой ходим парой” — называется.

Питерский кинул на нас недовольный взгляд, а потом от-
вернулся.

Поравнявшись с нами, он умышленно — я уверена в этом!
— задел поднос Димы, и он упал на пол.

— Эй! Придурок! Смотри куда прёшь! — возмутился По-
пов.

— Заткнись, — тут же ошетинился Роман. — Или этот
суп с пола перекочет и тебе на голову!

— Так, — встал между парнями Архип. — Скандалы не
нужны вам. Вы и так оба наказаны уже.

После стычки на линейке и Попов тоже получил наказа-
ние вроде того, какое дали Питерскому — вымыть пол в
классе. — Брейк, пацаны. Пошли, Роман.

Он пихнул в бок свою “Тамару”, и парни ушли.

Я лишь усмехнулась про себя.

Что? Не нравится ему, что со мной кто-то хочет дружить?

Вот и пусть посмотрит.

Может быть, дружба с Димой не такая уж плохая идея?

РОМАН.

— Чё встал? Пошли, — пихнул меня в спину Архип, пока

я залип на Катю.

Она сидела с Поповым и улыбалась ему. Опять. И меня диким образом это бесило. Еле сдержался, чтобы не разбить не тарелки на подносе Попова, а его башку.

Я двинулся вперёд, а сам кипел внутри.

— Питер, — негромко позвал Архип, когда мы оказались вдвоем в полупустом коридоре.

— Что?

— Ты в Романову втрескался, что ли?

Я перевёл на него свирепый взгляд.

— Глупее ничего не придумал? — сказал я и зашагал вперёд быстрее.

— Слушай, ну ты странно себя ведёшь, когда её видишь, — догнал он меня и продолжил доканывать: — Что происходит? Поделится бы со мной, я же твой друг. Может, помог бы тебе чем?

— Ты мне очень поможешь, если заткнешься! — рявкнул я и ещё ускорил шаг.

— Ясно... — недовольно протянул Архип и тоже ускорил шаг. — Мистер Загадка...

Время шло, а я всё думал, что сделать с этими полами, мыть которые я не планировал, конечно же. Но и оставить как есть не могу тоже — Алла настучит отцу, и тот выгрызет мою печень.

Когда я зашёл в пустой класс и увидел принадлежности для уборки, одна идея у меня всё же была.

Я оставил рюкзак на парте, снял пиджак и закатал рукава на рубашке. Почесал затылок и вышел в коридор. В это время, после уроков, в гимназии уже почти нет учеников, и тогда полы мыть приходит уборщица. Я прошёлся по этажам в поисках одной из них, и мои поиски увенчались успехом — у окна мыла пол тётя Валя. Пару раз мы уже с ней сталкивались — добрая приятная женщина. Она мне даже нравилась, хоть и обслуга.

— Тётъ Валя, привет! — сказал я ей, и она обернулась.

— Привет, коли не шутишь, Роман, — улыбнулась она мне, опираясь на швабру. — Ты чего тут?

— Вас искал, — ответил я ей.

— Меня? — удивилась женщина. — Зачем это?

Одна из дверей прямо возле нас открылась, и оттуда вышла Романова. А, точно, у нее же сегодня кружок дебильный — театральный.

Хм, по-моему, мне больше не нужна тётя Валя. Потому что лучшая уборщица — это Романова. Мыть полы — её стезя. Тем более она и виновата в моём наказании.

Катя же лишь кинула на меня равнодушный взгляд и пошла к лестнице.

— Э-э-э... Я потом скажу, ладно? Извините... — бросил я Валентине и двинулся следом за Романовой.

— Постой, — нагнал я её и перегородил путь. — Есть дело

для тебя, зубрилка.

КАТЯ.

Я даже вздрогнула, когда этот орангутан взялся непонятно откуда и загородил своей необъятной спиной пловца выход.

Уставилась на него с опаской. Чего он хочет опять и что задумал?

Ещё слишком свежи были воспоминания о вчерашнем дне в похожем коридоре...

— Что? — спросила я, вжимаясь в стену, неосознанно пытаясь увеличить расстояние между нами. — Какое ещё дело?

Роман молча и без церемоний ухватил за руку.

— Пойдём, — потянул он меня в сторону класса алгебры.

Однако я не собиралась ему подчиняться и упиралась. Правда, бороться с этим медведем нелегко, но я попытаюсь.

— Куда ты меня тащишь? — возмутилась я. — Отстань!

— Пошли-пошли.

— Скажи сначала, что ты хочешь от меня!

Он тянул меня, и невольно шла за ним — сил перебороть Рому у меня просто не имелось.

— Там и скажу.

— Сейчас! — топнула я ногой и снова стала упираться, когда мы оказались почти возле класса.

— Нет, сказал, — повернулся он ко мне. — В класс заходи.

Мне даже страшно стало отчего-то и холодно. Пальцы так

и сжимались в попытках остановить дрожь и холод. В голове крутились дурацкие мысли, что мы останемся наедине с ним, и он может, пользуясь своей силой, сделать мне что-то неприятное. Например, снова захочет поцеловать... Не знаю точно, что им двигало вчера — игра со мной или реальное желание, но я четко ощущала, что он этого хотел, и если бы я не остановила его — обязательно бы сделал.

Но после всего, что между нами происходило, последний, кому я дам к себе прикоснуться — это Питерский. Ненавижу я его гораздо больше, чем...

— Заходи в класс, — повторил он, смотря мне в лицо.

— Да не буду я никуда...

Я попробовала его просто обойти и уйти, но Рома поймал меня за талию, вызвав этим мой рваный вздох.

— Отстань от меня! — нервно высказалась я, вцепившись в его руку, которую он так и оставил лежать вокруг моей талии плотным кольцом, пальцами. — Не прикасайся!

— Последняя попытка тебе зайти в класс самой, Романо-ва...

— Отпусти, сказала! — начала я уже злиться и ударила его кулаком по груди.

— ...Или я занесу тебя туда сам. И не бей меня — иначе пожалеешь об этом.

Я уставилась в его лицо. Он что — совсем больной? Чего он хочет?

Додумать я не успела — взлетела в воздух, лишь сдавлен-

но пискнув. Я стала видеть пол ближе — Роман закинул меня к себе на плечо, как варвар пойманную женщину из вражеского племени. Орать не получалось — горло словно стянула невидимая рука, а живот передавило.

— Ром... — только и пискнула я из себя, судорожно вцепившись в него пальцами, чтобы не упасть.

Питерский же спокойно нёс меня к кабинету, уложив свою огромную лапу мне прямо на попу, чтобы я не съезжала.

Когда мы очутились в классе, он закрыл дверь и только тогда опустил меня на пол.

Оказавшись на твёрдой поверхности, я словно очнулась. Способность говорить ко мне вернулась вместе со злостью и возмущением.

— Ты что делаешь, придурок?! — метала я молнии. — Ты что себе позволяешь, ты!

Я толкнула его в грудь, чтобы он ушёл с дороги, но этот увалень даже бровью не повёл.

— Выпусти меня немедленно отсюда!

— Выпущу, конечно, — усмехнулся он, явно наслаждаясь моей перед ним беззащитностью. — Только сначала ты помоешь пол.

— Чего? — нахмурилась я.

— Ну вот, — указал он на ведро и швабру в углу кабинета, пока я пыталась отдышаться. — Пол помоешь и пойдёшь домой.

— Я?

— Ты.

— Но полы поручили мыть ТЕБЕ!

— А мыть их будешь ТЫ!

— С какого такого праздника?

— Из-за тебя меня наказали, зубрилка, — ответил наглый парень. — Ты и мой. Давай, воды я уже набрал! Вперёд!

Я пребывала в полном шоке, крайнем возмущении и бессильной ярости. Ещё немного — и меня просто разорвёт от этих негативных, очень мощных эмоций.

— Как же я тебя ненавижу! — кинула я ему в лицо, сжав кулаки. Так хотелось начать его бить, просто безумно! — Придурок! Мажор без берегов!

— Взаимно, заучка, — лениво отозвался Роман, который оперся плечом о дверной косяк и наблюдал за мной, загораживая выход своей огромной мускулистой тушей. — Только можешь хоть обкакаться — ты отсюда не выйдешь, пока не помоешь пол.

— Я все расскажу Алле, — заявила я. — Завтра же.

Лицо Романа тут же потемнело. Взгляд стал таким тяжёлым, что выносить его сил не было, но я не буду перед ним покорно опускать голову. Он сделал шаг на меня, и я отпрянула назад, врезавшись в учительский стол ногами и едва удержав равновесие.

— Только попробуй, — говорил он, неумолимо приближаясь ко мне и заставляя моё сердце биться чаще.

— Обязательно скажу! — горячились я. В этот момент

мне было плевать, что будет потом. Я хотела задеть его так же, как это он меня! — Тебя накажут ещё сильнее! Папочка уже лишил тебя денег, как обычно он это делает? Ты теперь у нас мажор-бомж или как?

Роман оказался совсем близко и почти вжал меня в этот чёртов стол. Дальше отступать некуда — если только лечь на учительский стол! Я выставила руки вперёд и упёрлась в его грудь, пытаясь не дать ему приблизиться ещё, но силы снова оказались неравны.

— Забыла, что не хочешь потерять это место? — изогнул он одну бровь.

Кровь отхлынула от лица. Он всегда знает, куда бить.

— Ром... — сказала я негромко. — Ну что ты творишь? Отпусти меня, пожалуйста. Я обещаю, что никому ничего не скажу.

— Сначала ты наболтала тут с три короба, оскорбила меня, а теперь хочешь, чтобы я тебя просто отпустил? — спросил он.

Голубые глаза стали тёмно-серыми, их словно затягивало туманом. Он то и дело опускал глаза на мои губы и вздымающуюся от нервов грудную клетку.

Питерский такой огромный, что мне приходилось задира́ть голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Я ощущала себя рядом с ним невероятно маленькой и... невероятно ничтожной.

— Кроме полов ты мне теперь должна кое-что ещё за свои

оскорбления, Рыжая.

— Я не буду ничего делать, — ответила я, снова надавив ему на грудь. — Отстань!

— Будешь, — заявил он. — Иначе вылетишь отсюда пробкой. Даже если ради этой миссии мне придётся пожертвовать и своим местом тоже.

В этот момент я действительно испугалась. Наглый мажор может всё. А я — ничего. И ему не составит труда и хватит совести разрушить мою жизнь.

— Но ты можешь всё сказанное тобой нивелировать прямо сейчас.

— Какие умные слова, — невольно вырвалось у меня.

— А ты думала, что я тупой? — усмехнулся Роман.

— Ничего я не думала!

— Врёшь, — рассмеялся он. — У тебя на лбу написано всё, что ты думаешь.

— Я о тебе не думаю вообще, ясно? — я снова пихнула его. — Отпусти меня, ты не имеешь права меня тут держать!

— Ясно-ясно, — кивнул он. — Так ты хочешь дальше тут учиться или нет?

Я молчала. Глупый вопрос, ответ на который очевиден...

— Тогда поцелуй меня, — сказал он, приближаясь к моему лицу и впиваясь глазами в мои пересохшие от нервов губы тем же полупьяным взглядом, какой я видела вчера... — Ты ласковая, а, Катёнок?

КАТЯ.

Я молчала в ответ. Целовать его я не собиралась. Это мой первый поцелуй, и он будет с Питерским? Хуже этого страшно было себе что-то представить. Я не понимаю, зачем ему вообще это надо? Видимо, уловил как-то, что именно такое меня задевает сильнее всего остального... Такое же изощрённое издевательство, как и всё, что он делает в мою сторону.

Ведь так смешно — заставить заучку целоваться!

Жаль, что мне совсем не весело...

А между тем Рома решил не дожидаться ответа и стал приближаться к моим губам.

Я среагировала единственным способом, какой мне был доступен в ситуации, когда я оказалась едва ли не сидящей под его напором на учительском столе, — размахнулась и залепила ему по морде!

Звук смачной пощёчины пролетел по пустому классу. Питерский на миг закрыл глаза, получив по щеке, а потом открыл их, и я сжалась в ком...

Блин, я ударила его!

Этот день — последний в моей жизни, судя по звериному взгляду Питерского.

Он меня теперь убьёт просто! Помоем этот пол прямо мной! Но как ещё остановить его, я не знала.

Только не такой поцелуй.

Только не такой ценой.

Только не с ним...

Злость и ярость плескались штормом в его глазах. Внезапно мой хвост оказался в захвате его кулака, он подтянул меня за него ближе к себе, пока моё сердце отбивало барабанную дробь от страха.

— Ты чё сделала, Рыжая? Сама хоть поняла? — спросил он необычно низким голосом.

Я довела его сегодня конкретно. Но даже пошевелиться не получалось в его руках, только и могла, что с испугом смотреть в его лицо широко распахнутыми глазами.

— Я боюсь тебя... — почти прошептала я, высказывая свои настоящие эмоции на этот момент.

Он не ответил, но хватка, кажется, начала ослабевать.

— Так, что здесь происходит? — услышала я за спиной голос Аллы.

Роман стоял, держа в кулаке мои волосы, ещё секунду, а потом вынужден был отпустить меня и отступить.

— Катя? — удивилась она, увидев меня, когда Питерский перестал загораживать своей мощной спиной. — Что вы здесь делаете?

Я выпрямилась и поправила одежду, которая перекосилась в пылу борьбы с Питерским. Ноги дрожали, а что гово-

ритель, я не знала. Я не могла сама понять, что только что произошло, не то что говорить об этом.

Алла же смотрела на нас хитрым взглядом. Кажется, она решила, что мы здесь... целовались.

Впрочем, почти всё так и было... То, что происходило до этого и что Роман меня немного потрепал за хвост, она видеть не могла.

— Я... забыла блокнот, — ответила я неестественно высоким голосом, спрятав глаза за ресницами.

— Забрали его?

— Да.

— Питерский, вы что — хотели заставить Романову мыть пол? — изогнула она одну бровь.

— С чего вы взяли? — раздражённо сказал парень, который тоже смотрел себе на кроссовки. — Вы же слышали — она блокнот забыла, растяпа склерозная.

Я снова нахмурилась. Ну что за непроходимый хам! От его перемен в настроении у меня развивается аллергия и паника. То оскорбляет, то обнимает, то целовать себя просит, то лезет сам...

— Тогда Катя может идти домой, а вы, Роман, берёте при мне швабру и моете пол.

Питерский поднял на неё голову с не самым добрым выражением лица. Я же взяла свой рюкзак, который свалился с плеча, пока Рома нёс меня сюда, и поспешила уйти. Это, конечно, забавное зрелище — как он драит полы класса, но

сейчас мне не до этого. Хотелось поскорее обнять бабушку и успокоиться. Я совсем ничего уже не понимаю, за что он так со мной обращается? Я ведь не игрушка, и требовать моей ласки никто не вправе!

Кажется, я считала, что он мне нравится?

Беру свои слова обратно!

8.

РОМАН.

Полы помыть всё же пришлось — проблемы с Аллой и отцом мне не нужны.

Пока ехал из гимназии и уже у себя в комнате всё думал о том, что случилось в классе.

На фига я полез её целовать? Я же хотел заставить заучку мыть полы!

Кажется, рядом с ней меня совсем коротить стало...

Я теряю над собой контроль. Просто не могу держать свое тело и чувства в узде, когда вижу её близко, ощущаю её тепло и имею возможность прикоснуться.

Чувства?

Я сказал “чувства”?

Упал лицом в подушку.

Бли-и-и-н...

Кажется, Архип прав, и я испытываю к ней что-то.

Раньше просто нравилось троллить её и когда она бесится, но теперь я как больной слюни пускаю при виде неё и хочу узнать вкус её губ.

Перевернулся на спину и выдохнул.

Пора с этим завязывать. Мне нельзя к ней подходить и трогать её. Иначе я вовсе с ума сойду, а ещё спалюсь как младшеклассник. Не хочу, чтобы надо мной ржали все.

Это просто наваждение нелепое какое-то. Не может она мне нравиться. Не может!

Но осознание, что подходить к ней больше нельзя, дало и новую мысль — что мне будет трудно это сделать.

Я подсел...

Только Катя меня не переваривает, от поцелуев бежит как от огня и боится.

До сих пор стоит в ушах её фраза — я боюсь тебя.

Которая по необъяснимым причинам причиняла мне боль...

— Да, а потом мы ещё уток кормили, помнишь?

— Ага, скормили им полбатона! — смеялся я, вспоминая тот день рождения в этом самом кафе.

Я и мама сидели за столиком у окна и болтали. Как хорошо, что она прилетела!

Мы говорили о гимназии, об отце и нашей группе. Только с мамой так легко. Отец всё чаще рычит и приказывает, хоть и любит меня — я это понимаю.

— Ром, я... Хотела тебе кое-что рассказать, — смущённо улыбнулась мама и гягнула на меня.

Я смотрел на неё в ожидании продолжения.

— У тебя появится брат или сестра, — сказала она. — Мы с Джоном ждём малыша.

Фу мля. Невольно сморщился.

Начинается...

— Ты не рад? — огорчилась мама, уловив, конечно, мою смену настроения.

— Да нет, мам, — покачал я головой. Ну не люблю я детей — так и не мне их нянькать. Пусть рожают хоть футбольную команду — это их дело. Но всё же что-то такое царапнуло сердце. Я больше не буду единственным сыном у мамы... Но я понимаю, что у неё теперь другой муж, и ей хочется построить с ним свою семью, раз уж наша не сложилась. Я стараюсь это принять, а сейчас не огорчать маму своей кислой миной. — Я пока не понимаю, как к этому относиться, если честно. Но ты сама рада?

— Конечно, — ответила она. — Ты у меня вырос. А так хочется снова подержать на руках лялечку от любимого мужчины.

— Ну фу, ма... — отмахнулся я. — Гадость же! Я рад, что ты рада, но давай без этих вот соплей.

— А между прочим, — хмыкнула она. — Эти самые “сопли” скоро появятся и в твоей жизни. Ты ведь у меня уже вон какой жених!

— Да прекрати, ма! — нахмурился я. — На фига мне оно надо? Живу себе спокойно.

— И нет девочки?

— Какой еще девочки?

— Ну как — какой? — округлила она глаза. — Любимой, конечно.

Задумался. Почему-то всплыл образ Рыжей.

Да ну на фиг!

Изыди!

Уйди из моей головы, зараза!

— Нет у меня никакой... девочки...

Мой взгляд зацепился за уже реальный облик заучки. Романова шла практически под руку с Поповым ко входу в кафе.

Она пришла сюда с ним?

Она С НИМ?

За несколько секунд они дошли до двери, а я совершил разбег от спокойного зайчика до бешеного кровожадного медведя...

Они вошли в кафе и сразу увидели меня. Её голубые глаза встретились с моими. На лице Заучки отразилась то ли злоба, то ли брезгливость, то ли страх.

Ага, я — противный, значит, а с ним по кафе ходит?

Очень мило.

Грудь болела так, словно в неё наживую гвозди забивали.

Сердце стучало как бешеное.

Это же неправильно. Почему Катя с ним?

Ну почему?

Сейчас они сядут напротив нас и будут ворковать?

Пусть только протянет свою лапу к ней или поцелует...

Тогда я за себя не отвечаю. Скину эту падаль в речку, да и всё.

С другой стороны, почему она не может ни с кем ходить? Рыжая не моя жена.

Откуда вообще эти дурацкие мысли о том, что она не имеет права с ним ходить?

Мне должно быть фиолетово.

Но мне красно.

Виду красный цвет тряпки перед быком, роль которой исполнял Попов.

Я ведь не предъявлял свои права на неё.

А хотел бы?

Даже и не знаю.

Ну вот, в голову полезли ещё более дурацкие мысли.

Может, я скоро и жениться захочу?

Сарказм, конечно.

Попов тоже обернулся, увидел меня и нахмурился.

«Парочка» стала шушукаться. Романова что-то шепнула Попову и потянула его за руку, которую мне так нереально сильно хотелось ему оторвать. Считаю, что без одной руки ему будет лучше.

Они ушли, а я сидел и смотрел в пустую вазочку от мороженого. Этот прекрасный вечер с мамой, какой выдаётся так редко и ещё не скоро повторится снова, был безнадёжно

испорчен.

— Ром, — услышал я голос мамы как в тумане. — Ты меня совсем не слушаешь. Что у тебя с лицом?

— А... — свёл я брови вместе, пытаюсь уговорить эту дикую боль в груди. — Извини, я... задумался.

— А с лицом что? — изогнула одну бровь мама.

— А что с ним?

— У тебя такое выражение было, будто ты прямо сейчас на кусочки кого-то изорвёшь, — сказала негромко мама. Да, иногда моя сила, и даже дурь, с мозгом расходятся. Мне нельзя терять над собой контроль. Иначе я могу наломать не только дров, но и чужих костей... — Сын, держи себя в руках, прошу.

Я лишь сжал губы плотнее.

Не объяснять же ей всю ту выюгу, что бушует сейчас внутри меня? Да и не поймёт она. У неё с Джоном всё прекрасно.

— Этот парень тебя как-то задевает? Кажется, это с ним ты на линейке затеял потасовку.

Надо же, помнит.

— Да он просто придурок и бесит меня, — сказал я. — Давай не будем портить вечер разговорами о нём.

— Нет, я знаю этот твой взгляд, — ответила мама, внимательно оглядывая меня. — В последний раз, когда я видела такой, мы еле замяли это дело...

— Мам, — постарался я улыбнуться. Ей сейчас вредно волноваться. А Попову стоит начинать... — Я держу себя в

руках. Честно. Да, он бесит меня, но я же не скинул его в реку!

А хотел.

— И девочка эта рыженькая... Хорошенькая какая. Не из-за неё ли ты такой хмурый сейчас? И не из-за неё ли ты чуть не подрался с одноклассником?

Я только и открыл рот. Да мама просто Шерлок Холмс! Ей надо работать в ФБР.

Так легко меня раскусила! Неужели у меня всё на лбу написано?

Тогда и Заучка могла всё понять.

Вот это будет потеря потерь...

Мне необходимо держаться от неё подальше!

— Нет, у нас с ним контры давно уже, — впервые соврал матери я. — Мамуль, ну хватит об этом. У меня тут другая проблема вообще...

Я коротко рассказал ей о ситуации с группой и свадьбой отца в один день. Без меня в роли гитариста у них не выйдет выступить. Но и не явиться на свадьбу собственного отца я тоже не мог. Получалось, что подвожу всё равно кого-то: или папу, или ребят из группы.

— Да уж, ситуация, однако, — хмыкнула мама. — Ты поговори с отцом. Пусть покричит даже, но Петя обязательно поразмыслит над этим позже и может изменить своё мнение по этому поводу.

— Думаешь, есть смысл с ним разговаривать на эту тему?

— А смысл, Рома, есть всегда, — подняла она палец вверх. — Но я тоже с ним поговорю обязательно. Вместе, может, что и придумаем.

Глянул на наручные часы — почти восемь утра.

Я еле пережил эту ночь, мечтая ему втащить по первое число.

Опаздывает, урод. Я уже себе всё отсидел на этой лавке по пути к гимназии.

А, вот и он.

Попов шёл по привычной ему дороге в школу и не ожидал увидеть вышедшего ему навстречу меня.

— Поговорим? — перегородил я ему дорогу.

— Так, чё тебе надо? — нахмурился Дима и попытался меня обойти.

— Не так быстро, — снова настырно перегородил я ему дорогу. — Сначала скажу тебе пару слов, и вали. Оставь в покое Романову.

— Ого, ты всё ещё помнишь её фамилию? — изогнул одну бровь Попов. — А то только и слышно от тебя одни гадости. И с чего ты решил, что я тебя послушаюсь?

Я окинул его взглядом, едва ли не убив одной силой мысли.

А жаль, что не умею так.

— Потому что, если ты не слушаешься, я сосчитаю твои

рёбра, — ответил ему я вроде бы спокойно, но по моему взгляду Дима понял, что я не шучу. К тому же он знает меня и на что я способен.

— Слушай, а тебе что от неё надо? — сузил глаза Попов. Не трус, однако. — Мне вот Катя нравится. Встречаться с ней хочу. Мы так круто вчера посидели в кафе. В другом, как ты понимаешь. Классная девчонка. Красивая. А тебе слабо её в кафе пригласить, да?

В глазах потемнело. В ушах стоял звон, а сердце словно сжала невидимая рука в перчатках с шипами.

«Мне вот Катя нравится».

Урод.

Я схватил его за ворот пиджака и со всей дури шмякнул о стенку угла дома, возле которого мы выясняли отношения, спиной.

— Ты чё делаешь, придурок! — вцепился он в мои руки, но я сильнее. — Отвали от меня!

— Не смей к ней прикасаться, ты понял меня? — смотрел я в его глаза.

— Она всё равно это не оценит! — кинул он мне в лицо. — Она тебя терпеть не может! А ты как осёл влюбился, да? В ту, над которой смеялся? Ты просто ничтожество, Питер! И Катя тебя никогда не примет, так и знай! Ай, мля!

Я потянул его за ворот пиджака, а потом ещё раз впечатал в стену.

— Не смей. К ней. Прикасаться. Иначе я за себя не отве-

чаю, — чеканил я слова. — Я тебя уничтожу и переломая все кости. Ты меня понял?

— Я должен испугаться? — боролся он со мной, но только я держал его мертвой хваткой.

— Лучше бы испугаться, — хмыкнул я. — Ты меня услышал, Попов, и повторять я не стану два раза. Будешь крутиться возле неё или посмеешь прикоснуться к Романовой — я тебе бронхи вырву.

Я бросил его как какую-то мерзость и повернулся спиной. Зашагал в направлении гимназии.

— Она тебя всё равно не любит, ты понял? — услышал я в спину, но шага не замедлил. — Она много раз мне говорила, какое ты дерьмо, как ты её достал и как она мечтает уже окончить одиннадцатый класс, чтобы только тебя больше не видеть!

— Не твоё собачье дело, — отбил я и ускорил шаг.

Интересно, Рыжая в самом деле так говорила или Попов сейчас всё выдумал, чтобы побольнее меня укусить? Он такой офигенский друг и всегда рядом, а меня она не переваживает и кроме как придурком не кличет...

Могла.

И не без оснований.

Но почему же в последнее время мне стало это так больно?

В коридоре, как ни странно, собрались уже все однокласс-

ники кроме Романовой. Её нигде видно не было. Опаздывает, что ли?

Только и к началу урока, и когда от него прошло минут десять, Рыжая так и не появилась.

— Так, а кто-то в курсе, где у нас Романова? — спросила учитель географии, в очередной раз глянув на часы.

Посещаемость в гимназии — святое. Не явиться без причины и не предупредить учителя по телефону было просто невозможно и непозволительно. Тем более если речь шла о Зубрилке — у той вообще обострённое чувство ответственности, она бы точно позвонила и предупредила. Романова ко всему прочему ещё и староста класса, и просто так не явиться не могла. Это могло означать, что с ней что-то случилось. Именно поэтому учитель забеспокоилась, да и я, чёрт возьми, тоже. Где же её черти таскают? Может, проспала впервые в жизни?

— Никто не знает? — обвела глазами класс географичка.
— Никому она не звонила? Попов?

— Нет, мне не звонила Катя, — отозвался тот.

А потом она перевела взгляд на меня, уставившись с подозрением.

Что она так смотрит? Не топил я Заучку, жива она.

— Тогда пока читайте параграф номер два, а я схожу в учительскую.

Она вышла, а я решил пойти за ней через минуту. Оставил вещи и вышел в коридор. Быстро дошёл до учительской

и увидел, что дверь приоткрыта. Приблизился к ней и вслушивался в голоса, звучавшие за ней.

— Очень печально, очень, — восклицала географиня. —
Надо же так! Когда это случилось?

— Вчера ночью, — ответила ей Алла Дмитриевна.

В учительской стояла непривычная тишина, а голоса педагогов звучали глухо.

— Очень, очень жаль, — сокрушалась учитель географии.
— Такая хорошая была женщина! Бедная Катенька... Со всем одна девчонка осталась!

Как одна?

Я нахмурился.

Подождите...

Её бабушка...

— А как же она теперь? — спросила Алла Дмитриевна.
— Катя ведь несовершеннолетняя, и она не может жить одна в квартире. У неё есть ещё родственники, которые могли бы позаботиться о ней?

— К сожалению, нет, — пробасил директор. Кажется, они все уже в курсе того, что произошло. — И это крайне трагично. Девочке грозит детский дом.

Учителя заохали, да и мне самому захотелось сделать то же самое.

Какой детский дом?

Катю? В детский дом?

— Там жизнь не сахар, — сказала Алла. — И мальчики

могут... Обидеть. Мало кто оттуда выходит, не научившись тесному общению с противоположным полом... А Катя такая светлая, беззащитная! Бедная девочка... Что же ей придётся пережить!

— Сейчас она пока что дома. А там её ждёт приют и дальнейшее распределение в детский дом, где она проведёт время до исполнения ей восемнадцати лет.

— А как же гимназия?

— Возможно, она не будет иметь возможности учиться здесь, если её отправят слишком далеко отсюда. По-моему, вблизи нашей гимназии нет таких интернатов.

— Как всё печально для неё сложилось...

Я развернулся и пошёл обратно в класс. Забрал свой рюкзак и, не обращая внимания на окликающих меня одноклассников, пошёл к выходу.

Водитель удивился, что я вернулся так рано. Когда я сел в салон рядом, он вопросительно уставился на меня.

— Почему ты ушёл с занятий? — спросил он. — Что-то случилось?

— Езжай к отцу, Сергей.

— Прямо сейчас?

— Да.

— А как же занятия?

— Да в задницу занятия, — я повернулся на него. — Ты

меня не слышишь?

Видя, что я очень нервничаю, он не стал спорить. Завёл мотор и поехал.

А нервничал я так, что сидеть на одном месте было трудно. Я сам не ожидал от себя подобной реакции, но, когда я узнал о том, что Катя потеряла близкого ей человека, самому плакать захотелось.

Как же так? Она совсем одна осталась. Не могу себе представить, что и мамы, и папы вдруг не станет. Никого, даже Наташи, которая меня раньше так бесила. А Катя это переживает сейчас и, возможно, ещё не понимает, что может угодить в детский дом.

Кулаки сжались сами собой.

Я и до слов Аллы о том, что творится за закрытыми дверями государственных интернатов, уже слышал. Она там не выживет.

Катя такая маленькая и беззащитная, что мне самому потом стыдно, когда с троллингом я перегибаю. Она как котёнок, может в ответ только кусаться, смотреть огромными испуганными глазами и заплакать.

Я даже не хочу думать о том, как именно её могут обидеть мальчики...

Сразу хочется кругом всё крошить и крушить.

Никто не притронется к ней. Если надо — увезу её сам. Продам свои цапки и телефоны. Куда увезу и как? Не знаю. Но я не позволю сдать её в детский дом.

Она не должна туда попасть. Только, как поступают в данной ситуации, точно я не знаю. Но Алла говорила о том, что Катю может спасти внезапно откуда-то взявшийся попечитель, который возьмёт на себя ответственность за неё до совершеннолетия. И я подумал об отце... И даже примерно придумал, что говорить ему.

— Здравствуйте, Раиса, — кивнул я секретарю отца, которая встала мне навстречу.

— Подожди, Ром, — окликнула она меня. — У Петра Сергеевича сейчас на связи министр. Надо подождать.

— Да блин, — процедил я сквозь зубы и сел на диван возле его кабинета.

Отец не простит мне, если я так ворвусь. Тем более что у меня к нему просьба... И довольно непростая.

— Ты, может, чаю пока выпьешь? — спросила Раиса. — Я тебе скажу, когда можно.

— Да не надо ничего, — отмахнулся я. — Так подожду.

— Ты такой встревоженный, — вгляделась она в меня. — Что-то с мамой случилось?

— Нет, типун тебе на язык, — ответил я. — Она улетела вчера домой. Уже долетела к своему Джону.

— Понятно, — вздохнула она, а потом глянула на телефон и сказала: — Ром, папа договорил. Можешь зайти.

Я тут же встал с дивана и заглянул к нему в кабинет.

— Пап.

— Рома? — поднял глаза на меня отец. — Ты почему не

в гимназии?

— Надо поговорить.

— А до конца занятий твои разговоры подождать никак не могли? — нахмурился он.

— Никак не могли.

— Ладно, заходи, раз пришёл, — махнул он мне рукой. — Только быстро давай. У меня скоро совещание, а тебе надо вернуться на занятия.

Я прошёл по кабинету и сел напротив него.

— Ну что там за пожар?

— Пап, ты помнишь Катю Романову?

Он окинул меня более любопытным взглядом.

— Ну да, — ответил он. — Ты же мне сам о ней забыть не даёшь. И что с ней?

— Вчера ночью у неё умерла бабушка.

— Гхм, — откинулся на спинку кресла отец. — Печально. Хочешь, чтобы я с похоронами помог? Вряд ли девочка потянет такое мероприятие. Закопают бабку как собаку.

— Это тоже, — кивнул я. — Но не только об этом хочу сказать. Бабушка была её единственным опекуном. Понимаешь?

— Ещё печальнее, — сказал отец, немного подумав. — Её в детский дом отправят, ведь ей нет восемнадцати.

— Да.

— Ну жаль, — пожал он плечами. — Умница такая, всегда училась прилежно. Но с похоронами поможем, конечно.

Возьми всю информацию у Аллы Дмитриевны.

— Спасибо, па. Но я тебя кое о чём другом попросить хочу.

— Чего еще? — проворчал он. — Телефон покупать не буду. Старый у тебя хорошо работает, и не носи мне чушь про эти новые линейки, потому что я не...

— Возьми Катю под опеку. Или как там правильно...

Отец уставился на меня во все глаза.

— Что сделать? — переспросил он.

— Возьми Катю под своё попечительство, пап. Я тебя очень прошу.

— Рома, — отец даже придвинулся ближе, чтобы заглянуть мне в глаза. — Я тебя не узнаю. Ты так обеспокоен судьбой этой девочки! Зачем тебе нужно, чтобы я её забирал? Она будет жить в нашем доме, ты это понимаешь? Ты ведь так ненавидел её. Может, вы ещё свои драки прямо у нас в доме будете устраивать?

Отец вдруг замолчал, и в его взгляде появилось понимание. А потом спросил:

— Да ты влюблён в неё, Ром?

Отец застал меня врасплох вопросом в лоб.

Ответ очевиден для него, раз он сделал такие выводы.

И что самое странное, ответ стал очевидным и для меня...

Я мог сколько угодно лгать самому себе, что она меня

только раздражает, но уже давно в моих мыслях я с ней совсем не ссорюсь, а даже наоборот...

Но должен ли я признаться в этом вслух?

Может быть.

Но...

Не могу.

— Пап, ну она же моя одноклассница, — ответил я, немного подумав. — Как я могу в такой ситуации остаться в стороне? Троллить её — это одно. Но я не могу вести себя как подонок, когда у неё случилась беда.

— Это ясно, — кивнул отец. — Я рад, что ты растёшь в первую очередь человеком, мужчиной, умеешь сострадать и готов помогать слабым, но просить меня забрать Катю в наш дом — это уже очень серьёзная вещь.

— Я просто хочу помочь, — упрямо твердил я и видел, как отец снисходительно слушает мою ложь. — И только.

— Угу, — кивнул папа.

— Угу, — отозвался я. — Ты заберёшь её? Ты ведь можешь.

Не заставляй меня сбегать из дома, па. Соглашайся же, ну?

Отец задумчиво постучал пальцами по столу.

— Помочь я, конечно, могу, — ответил он, наконец, и снова впился глазами в моё лицо. — Дом у нас большой, места хватит. Наташа позаботится о девочке. Но отсюда вытекает

другой вопрос...

— Какой? — спросил я.

— Не настругаете ли вы детей? — поднял вверх брови папа.

— Пап! — возмутился я. — Какие дети, ты что?

— Что-что... — проворчал отец. — Ты молодой, горячий парень, а Катя тебе нравится, хоть ты и врёшь мне сейчас. И себе — тоже. Вот почему ты ей нервы треплешь, я только сейчас это понял. Она тебе не отвечает взаимностью, Ром? Откуда такая агрессия?

— Да ничего она мне не нравится, просто...

Я и сам слышал, как жалко звучат эти оправдания, но рас-
терялся — не ожидал, что отец поймает меня и раскусит так
легко.

— ...просто хочу ей помочь, — всё же настоял я на своём.

— Рома, — позвал отец. — Ты дурака-то не делай из отца.
Я вижу, что она тебе небезразлична. И очень плохо, что ты не
говоришь и не показываешь это ей. Всё могло бы измениться
между вами. И тебе самому стало бы легче. Только это лишь
утяжеляет ситуацию. Я не позволю тебе обижать девчонку
в нашем доме, тем более после смерти её бабушки и когда
именно я буду нести ответственность за неё. Ты понял?

— Я не собирался её обижать, — пожал я плечами.

Пусть соглашается уже как-нибудь, а с Рыжей мы сами
разберёмся.

— Я не позволю никак я её обижать, ты меня слышишь,

Рома? — повторил с нажимом отец. — *Никак*. Не вздумай и пальцем к ней притронуться. Я боюсь, что под одной крышей вы натворите дел...

— Я не буду её трогать, па, — пообещал я ему, хотя сам в этом уверен я не был. Но другого варианта спасти Романову я просто не видел. Я бы и сам по доброй воле не подписался на это. Рыжая меня не любит после всего, что я ей сделал, и немудрено. Может, вообще начнёт встречаться с Поповым, а мне придётся смотреть на это. В то время как я безуспешно пытаюсь о ней не бредить...

— Роман, — обратился ко мне отец. — Ты хочешь совершить серьёзный мужской поступок. Это похвально. Но ещё я вижу здесь и твои личные мотивы. И сразу предупреждаю, если я увижу притязания на Катю — я приму меры.

— Какие меры? — нахмурился я.

Чем ещё мне предстоит заплатить за твою жизнь, Рыжая?

— Если я узнаю, что ты сделал что-то... против её воли, я не смогу избавиться от девочки, которая будет находиться под моим попечительством. Тогда я вынужден буду отправить из дома тебя.

Я только и открыл рот.

— Меня? Куда?!

— Доучиваться в закрытый интернат, — ответил отец.

— Ты не оставишь мне выбора. Не трогай её. Не порти ей жизнь, она не для такого лоботряса, как ты. Наиграешься и бросишь и так не избалованную судьбой девчонку. Она не

игрушка.

Я опустил глаза. Папа явно не шутит. И видит больше, чем я хотел бы показать. Если в нашем доме случится что-то из ряда вон выходящее, он действительно будет вынужден нас развести по углам.

Только не знаю, как я выдержу её присутствие.

У меня башню рвёт, когда она просто на виду в школе, а тут ещё и жить в одном доме, знать, что она за стеной. Рядом. Спит или раздевается... чтобы лечь в постель.

Я не знаю, к чему это может привести всех нас.

Моргнул, прогоняя непрошенный морок, и посмотрел на отца.

— На такие условия ты согласен? — спросил он.

9.

— Я согласен, — ответил я. — Всё будет нормально, пап.

Ты поможешь?

— Помогу, ради тебя, — кивнул отец.

— Спасибо, пап, — поднялся я со своего места. — Спасибо.

— На занятия возвращайся, Ром.

— Угу.

— Ром, — позвал он меня, когда я уже взялся за ручку двери.

Я обернулся и встретился с отцом глазами.

— Зря ты прячешь лучшее, что в тебе есть.

— Что? — спросил я.

— Любовь, Рома, любовь.

— Я не знаю, что это такое, — пожал я плечами.

— Ну-ну, — хмыкнул отец. — Но я за вами наблюдаю — помните.

— Пока, пап.

Я вернулся в гимназию и еле досидел уроки. Я бы не вернулся и сразу от отца поехал бы к Кате, но я не знаю её адреса. Придётся ждать окончания занятий и идти за адресом к Алле, объяснить ей всю ситуацию.

— Так она что... будет с вами жить? — спросил Архип,

когда мы негромко переговаривались на одной из перемен. Новость о беде, случившейся с Романовой, уже успела облететь гимназию.

— Ну а где ещё? — пожал я плечами. — Не в гараже же её держать. Конечно с нами.

— Да уж, повезло тебе, — хмыкнул он.

— А я-то что... — фыркнул я. — Идея отца, не моя же... Придётся эту сиротку терпеть почти целый год. День рождения у неё аж в мае. Придётся смириться. Какой он сердобольный у меня, не знал даже — решил приютить бедную девочку!

— Нет, ну вообще-то, это круто, — сказал Архип. — Нечего ей торчать в детском доме. Всё же наша одноклассница, если есть возможность ей помочь — надо это делать. Хорошая идея. Если она точно отцу принадлежала...

Архип уставился на меня. Я поджал губы. Неужели всё так видно и я похож на ребёнка, который разрисовал стены маркером, но признаваться в этом отказывается, хотя взрослым очевидно, что кроме него это сделать было больше никому? Всё равно не признаюсь.

— Его, конечно, — ответил я лениво. — Мне заучки и тут хватает. Я бы не позвал её жить с нами.

— Ну п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.